

Воспоминанія жизни В. Г. Фернера¹⁾.

Въ неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось единкомъ мѣсяць, когда, неожиданно почти для всѣхъ, появился манифестъ, излагавшій, что Государь намѣревается царствовать по завѣтамъ предковъ, манифестъ, инспирированный и кажется редактированный К. П. Побѣдоносцевымъ.

Появленіе манифеста имѣло двойное значеніе. Во-первыхъ, онъ долженъ былъ положить конецъ всякимъ мечтаніямъ о введеніи у насъ представительнаго образа правленія²⁾.

Другое важное значеніе этого манифеста заключалось въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ былъ изданъ. Онъ явился совершеннымъ сюрпризомъ для гр. Лорисъ-Меликова, А. А. Абазы и гр. Милютина, которымъ онъ даже не былъ сообщенъ предварительно. Можно предполагать, что объ немъ имѣли понятіе, кромѣ Побѣдоносцева, только гр. Н. П. Игнатьевъ и М. И. Островскій, образовавшіе какъ бы враждебный тріумvirатъ противъ тріумви-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

²⁾ Это впрочемъ не воспрепятствовало графу Н. П. Игнатьеву по назначеніи его м-ромъ ин. дѣлъ вновь возбудить вопросъ о Земскомъ Соборѣ, — каковой могъ считаться не противнымъ завѣтамъ предковъ, такъ какъ и при прежнихъ царяхъ собирались Земскіе Соборы. Графомъ Игнатьевымъ даже былъ составленъ проектъ созванія подобнаго Собора,* но проектъ стоилъ непрактической, что, при его разсмотрѣніи, оказалось положительнаго невозможнымъ его осуществить на практикѣ. Только послѣ этого всякія дальнѣйшія попытки на учрежденіе подобнаго совѣщательнаго собранія были покинуты на долгое время.

рата Л.-Меликова, Абазы и Милютина, которые до сихъ поръ были наиболѣе вліятельными министрами въ совѣтъ министровъ. Этимъ нарушался принципъ объединенія главнаго управленія, который преобладалъ въ эпоху реформъ и получалъ выраженіе въ учрежденіи совѣта министровъ (который затѣмъ во все царствованіе Александра III уже ни разу не собирался)—но кромѣ того, несообщеніе проекта предполагавшагося манифеста означеннымъ тремъ министрамъ, очевидно, получало характеръ, какъ бы нѣкотораго къ нимъ недоверія. Послѣ этого и гр. Лорисъ-Меликову и А. А. Абазѣ оставалось только подать въ отставку, что они и сдѣлали. Что же касается Д. А. Милютина, то хотя это дѣло его касалось менѣе близко, какъ военнаго министра, но онъ давно уже тяготился своимъ положеніемъ и уже при покойномъ Государѣ желалъ уйти на покой, и только близкія отношенія его къ покойному не позволяли ему это сдѣлать. Теперь же, когда высказывалась даже мысль о преобразованіи введенной имъ въ войска окружной системы, онъ, очевидно, при новомъ составѣ министерства, уже не могъ желать сохраненія своего положенія, и потому, хотя и не одновременно съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и А. А. Абазой, во нѣсколько времени спустя, оставилъ свой постъ военнаго министра, и былъ замѣненъ П. С. Ванновскимъ. Несмотря на всю скромность проекта гр. Л.-Меликова, нельзя не остановиться на соображеніи, что рядъ преступныхъ дѣйствій анархистовъ послужилъ преградой дальнѣйшему развитію реформъ, которыми такъ отраднo началось царствованіе Императора Александра II-го и которые неуставно продолжались въ теченіе перваго періода этого царствованія, вплоть до выстрѣла Каракозова. За тѣмъ послѣдовало изданіе положенія усиленной охраны, административныя высылки, только подливаяшія масло въ огонь и, наконецъ, послѣ преступленія 1-го марта, совершенная остановка дальнѣйшаго развитія реформеннаго движенія и даже въ нѣкоторой степени обращеніе въ сторону реакціи. Анархисты утверждаютъ, что только терроромъ можно довести правительство до концессій, а между тѣмъ вся наша исторія послѣдняго времени служить неопровержимымъ доказательствомъ тому, что политическія страсти, дѣйствуя подъ импульсомъ крайняго возбужденія, совершенно теряютъ подъ собою логическую почву; что анархизмъ, насильственно заявляя крайнія требованія, только останавливаетъ и нарушаетъ спокойный и нормальный ходъ дѣла реформы.

Въ началѣ апрѣля я получилъ командировку въ Парижъ на собраніе монетной конференціи, которая должна была завершить дѣло, начатое три года тому назадъ.

По возвращеніи въ Петербургъ я немедленно сдѣлалъ визитъ Л. А. Абазѣ, по случаю выхода его изъ министерства. Наша встрѣча была очень сердечна; онъ мнѣ сказалъ на прощанье, что онъ надѣется, что я лично, кромѣ пріятнаго, не сохраняю никакихъ другихъ впечатлѣній отъ нашихъ взаимныхъ отношеній за последнее время, и что я сохраняю о немъ добрую память—что я чистосердечно подтвердилъ.

Какъ и послѣ возвращенія изъ первой монетной конференціи, меня и теперь стали спрашивать—назначаюсь ли я товарищемъ министра, до того это всеѣмъ казалось вѣроятнымъ. Я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Н. Х. Бунге и кромѣ того, какъ старшій директоръ департамента, я уже неоднократно временно исправлялъ эту должность. Но и на этотъ разъ слухи о моемъ назначеніи оказались преждевременными. Выборъ Николая Христіановича остановился на Павлѣ Никитичѣ Николаевѣ. Какъ до меня доходило, Бунге, при крайне развитомъ тогда руссофильскомъ настроеніи, не считалъ возможнымъ взять себѣ въ товарищи лицо съ нерусскою фамиліею, потому что тогда во главѣ министерства были бы обѣ личности—Бунге и Терьеръ съ нѣмецкими фамиліями. Выборъ его впрочемъ оказался вполне удовлетворительнымъ. Павелъ Никитичъ, какъ человекъ очень умный и вполне порядочный—былъ несомнѣнно ему хорошимъ товарищемъ. Нѣкоторое время спустя Е. И. Ламанскій по несогласію съ Бунге оставилъ Государственный банкъ. Казалось, что Ламанскій былъ обиженъ тѣмъ, что его товарищъ былъ назначенъ товарищемъ министра и такимъ образомъ сталъ какъ бы его начальникомъ. Прежде Ламанскій былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Христіановичемъ, и онъ даже назначалъ его управляющимъ конторой Государственнаго Банка въ Кіевѣ, такъ что теперь Ламанскій оказывался въ подчиненіи у двухъ лицъ, которые прежде были его же подчиненными. Хотя такимъ образомъ между Ламанскимъ и Бунге установились натянутыя отношенія, но катастрофа произошла на почвѣ дѣла о займѣ и по инициативѣ не Бунге, а графа Игнатьева, который, въ качествѣ министра вн. дѣлъ, игралъ тогда въ нѣкоторомъ родѣ роль перваго министра.

Въ Государственномъ банкѣ была назначена подписка на заемъ, которая пошла очень туго. Ламанскій въ этотъ день пріѣхалъ въ банкъ довольно поздно, и его стали упрекать въ томъ, что его запозданіе воспрепятствовало отчасти успѣху займа. Не знаю, насколько все это было справедливо, но это обстоятельство послужило поводомъ съ его увольненію. Говорили, будто бы графъ Игнатьевъ, по поводу этого слуха, доложилъ Государю, что Ламанскій на-

мѣренно противоѣдствуетъ Бунге, и Государь приказалъ его причислить къ министерству. Ламанскій вслѣдъ за тѣмъ подалъ просьбу о полной отставкѣ отъ службы, отказавшись даже отъ полученія причитающейся ему пенсіи. Онъ былъ очень возмущенъ тѣмъ, что съ нимъ такъ поступили, и между прочимъ жаловался на Игнатьева, который въ прежнее время, когда Ламанскій занималъ вліятельное положеніе при Рейтернѣ, искалъ съ нимъ сближенія и посѣщалъ его вечера, а теперь вызвалъ его паденіе.

На мѣсто Ламанскаго былъ назначенъ директоръ кредитной канцеляріи А. В. Цимсенъ, а его мѣсто Бунге предложилъ мнѣ, но я отъ этого отказался. Бывъ кандидатомъ на постъ товарища министра, меня не интересовало переходить изъ одного департамента въ другой, а между тѣмъ на мѣстѣ директора деп. госуд. казначейства я пользовался большою свободой, могъ брать дѣтомъ отпуска и проводить время съ семействомъ, что, при преклонныхъ лѣтахъ моей покойной матушки, имѣло для меня большую цѣну, между тѣмъ какъ въ кредитной канцеляріи я былъ бы очень связанъ службой. По этому поводу мы дружественно объяснились съ Николаемъ Христіановичемъ, онъ поясилъ мои причины отказа, не настаивалъ на своемъ предложеніи, и это не помѣшало нашимъ хорошимъ отношеніямъ, которыя сохранились до конца его жизни.

Лѣто 1881 г. мы провели опять въ Ревелѣ, куда я ѣздилъ еженедѣльно изъ Петербурга два на три, посвящая начало недѣли департаментскимъ занятіямъ.

Осенью, послѣ одного доклада, Н. Х. Бунге сообщилъ мнѣ, совершенно неожиданно для меня, что мнѣ предстоитъ командировка въ Константинополь.

По С.-Стефанскому договору, Порта приняла на себя обязательство уплатить намъ 800 милліоновъ франковъ въ качествѣ военного вознагражденія, *indemnité de guerre*. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, и ни одного франка не было уплачено.

Въ то время Порта уже должна была по своимъ займамъ значительныя суммы европейскимъ капиталистамъ. Такъ какъ платежи процентовъ по этимъ займамъ совершались очень неаккуратно, то владельцы турецкихъ облигацій въ Англій, Франціи, Германіи и Австріи, такъ называемые бондгольдеры (*bondholders*), образовали синдикатъ и прислали своихъ уполномоченныхъ¹⁾ въ Константинополь для переговоровъ о регулированіи долговыхъ обязательствъ Порты, при чемъ предполагалась унификація всѣхъ государствен-

¹⁾ Представителемъ Германіи былъ Гешертъ, Франціи—Ланфранъ, Австріи—Майеръ и Англій—Брокъсъ.

ныхъ долговъ Турціи, при нѣкоторомъ пониженіи размѣра процентовъ по нимъ, взаменъ предоставленія владѣльцамъ облигацій положительныхъ гарантій, въ формѣ обезпеченія исправности платежей таможенными доходами и поступленіемъ нѣкоторыхъ другихъ налоговъ.

Такъ какъ при этомъ наши права могли бы быть приведены фактически къ нулю, то нашъ посолъ въ Константинополь, Е. П. Новиковъ, сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ о необходимости возбудить въ Константинополь, одновременно съ негоціаціей делегатовъ бондгольдеровъ,—вопросъ объ исполненіи платежныхъ обязательствъ Порты по отношенію къ Россіи и просилъ прислать для содѣйствія ему делегата отъ министерства финансовъ. Предложеніе Новикова было одобрено Государемъ, и выборъ быть представителемъ министерства финансовъ палъ на меня.

Сообщеніе Николая Христіановича меня крайне смутило. Я только что отказался отъ директорства кредитной канцеляріи, чтобы сохранить нѣкоторое свободное время, а теперь предстоялъ отъѣздъ на неопредѣленный срокъ, что не могло не безпокоить меня, такъ какъ моей матушкѣ было тогда уже за 80 лѣтъ, и при такомъ преклонномъ ей возрастѣ мнѣ, разумѣется, очень не хотѣлось разставаться съ нею на продолжительное время. На сдѣланныя мною возраженія, Николай Христіановичъ сказалъ мнѣ, что объ этомъ уже доложено Государю, и Государь изъявилъ согласіе на мою командировку. До сихъ поръ и Рейтеръ и Грейгъ, давая мнѣ особенныя порученія, меня о томъ предупреждали и обыкновенно даже спрашивали моего согласія на принятіе предполагавшагося порученія, но Бунге поступилъ въ этомъ случаѣ не такъ деликатно. Правда, что въ то время трудно было выбрать изъ состава министерства финансовъ для этой цѣли другое лицо; я считался какъ бы дипломатомъ министерства, такъ какъ велъ уже переговоры о торговой конвенціи съ Австріей и Пруссіей, какъ выше указано, и о расчетахъ по желѣзнымъ дорогамъ съ Румыніей.

Мнѣ казалось, что въ сущности едва-ли стоить командировать кого-либо въ Константинополь, потому что едва-ли можно было надеяться получить что-либо отъ Порты. Послѣ войны, финансы Турціи были въ самомъ печальномъ положеніи, главные источники ея доходовъ были уже обѣщаны бондгольдерамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, при окончательномъ пересмотрѣ С.-Стефанскаго договора въ Берлинѣ, мы приняли на себя обязательство респектировать права европейскихъ кредиторовъ Порты—при такихъ условіяхъ, очевидно, весьма мало оставалось надежды выговорить у Турціи какіе-либо дѣйствительные платежи въ нашу пользу. Указывая на эти сомнѣнія Ни-

колаю Христіановичу, я замѣтилъ ему, что моя командировка все же будетъ стоить денегъ, а въ замѣнъ ничего не получится, а по этому было бы практичнѣе не производить совершенно лишняго расхода на мое отправленіе въ Константинополь. Разумѣется, все ограничилось однимъ разговоромъ, ибо разъ моя командировка уже рѣшена была Государемъ, мои возраженія не могли поколебать совершившагося факта, пришлось готовиться къ отъѣзду.

Я льстилъ себя надеждой, что все кончится мѣсяца черезъ два, а между тѣмъ пришлось пробыть въ Константинополѣ девять мѣсяцевъ; я возвратился только въ маѣ 1882 года и былъ радъ, что засталъ еще матушку въ живыхъ. Мои предположенія о безцѣльности командировки также не оправдались. Благодаря искусному образу дѣйствія Новикова, который велъ все дѣло, удалось заключить съ Портой конвенцію, по которой она обязывалась уплачивать Россіи, въ счетъ контрибуціи, около трехъ милліоновъ руб. въ годъ, и эта плата, дѣйствительно, поступала, хотя и болѣе или менѣе исправно, такъ какъ до сихъ поръ мы получили отъ Турціи около 60 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ моя командировка обошлась всего приблизительно въ шесть тысячъ рублей.

Матушка и сестры находились еще въ Ревелѣ, я немедленно сообщилъ имъ о предстоящей мнѣ командировкѣ, и онѣ вслѣдъ за полученіемъ моего письма вернулись въ Петербургъ. Хотя разлука со мною и казалась имъ тяжелою, но все же онѣ были довольны тѣмъ, что мнѣ предстояло столь интересное порученіе.

Нѣсколько дней были проведены въ приготовленіяхъ къ предстоящей задачѣ, пришлось проштудировать дипломатическую переписку по этому предмету, дѣлать изъ нея выписки и т. д.

Передъ отъѣздомъ я представился Государю и за тѣмъ 20 сентября отправился въ путь на Одессу.

Я прямо проѣхалъ до Кіева, гдѣ, по распоряженію, приходилось остановиться до вечера, чтобы пересѣсть на другой поѣздъ. Подъѣзжая къ Кіеву, поѣздъ огибаетъ весь городъ, объѣзжая всѣ монастыри, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ приходится наслаждаться чудной панорамой: гористая и отчасти холмистая мѣстность, богато окаймленная растительностью, возвышающіеся надъ-за деревъ куполы монастырей и другія монастырскія постройки—представляютъ самую живописную картину. Остановкой въ Кіевѣ я воспользовался для осмотра города, прошелся по Крещатику, съ оконечности котораго чудный видъ на рѣку и вдаль на степь. На другой день я прибылъ въ Одессу, гдѣ опять пришлось остановиться на сутки, потому что пароходъ отправлялся на слѣдующее утро.

Одесса чрезвычайно красивый городъ, съ вполне южнымъ типомъ: нарядныя строенія, сады, великолѣпный портъ, въ котораго видѣлись мачты безчисленныхъ судовъ и трубъ пароходовъ, все это представляло интересную картину, согрѣваемую южнымъ солнцемъ. Я гулялъ по городу, осматривалъ портъ и бульвары, и сдѣлалъ визитъ князю Дондукову-Корсакову, который былъ тогда градоначальникомъ въ Одессѣ.

На слѣдующій день въ субботу, 26-го сентября, я сѣлъ на пароходъ „Чихачовъ“, который долженъ былъ везти меня въ Константинополь. Пароходъ уже отчалилъ, когда миѣ подвезли съ берега на лодкѣ телеграмму отъ матушки, извѣщавшую меня, что все здорово: полученіе этой телеграммы въ самый моментъ отъѣзда доставило миѣ большое удовольствіе—представляя какъ бы хорошее предзнаменованіе для предстоящей поѣздки. Пассажировъ на пароходѣ на этотъ разъ было не много, капитанъ очень любезный господинъ, море довольно спокойно, такъ что переѣздъ черезъ Черное море и совершалъ при очень благоприятныхъ условіяхъ.

Въ понедѣльникъ утромъ или въ сущности уже въ воскресенье вечеромъ нашъ пароходъ пришелъ къ Босфору; при входѣ въ Босфоръ пришлось бросить якорь, потому что входъ въ проливъ разрѣшался только послѣ извѣстнаго часа утра, когда подается къ тому сигналъ выстрѣломъ изъ пушки съ берега. Мы простояли такимъ образомъ почти цѣлую ночь на якорѣ, при чемъ насъ порядочно качало. Я всталъ очень рано утромъ, чтобы не лишиться впечатлѣнія входа въ этотъ волшебный край.

Наконецъ, сигналъ былъ данъ, и мы вошли въ Босфоръ. Босфоръ это широкій проливъ, какъ гигантская рѣка, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ. Описать чудныя картины, представляющіяся вдоль всего Босфора глазамъ зрителя, довольно трудно, до того онѣ красивы, разнообразны и оригинальны. Но и первое впечатлѣніе при самомъ входѣ въ Босфоръ очаровательно. Берегъ, окаймленный невысокими горами, покрытыми мѣстами богатою растительностію; при самомъ началѣ Босфора на азіатской сторонѣ крѣпость Кавакъ и живописныя развалины Генуэзскаго форта, а на европейскомъ берегу роскошные парки Буюкдере, Терапія—съ красивыми постройками. У самаго входа въ Босфоръ находится лѣтняя резиденція русскаго посольства Буюкдере. Такъ какъ посольство наше въ это время жило еще въ Буюкдере, то капитанъ парохода, съ которымъ я говорилъ о цѣли моей командировки, посоветовалъ миѣ не продолжать поѣздки до Константинополя, откуда миѣ пришлось бы потомъ ѣхать опять обратно, а

выйти на берегъ въ Буюкдере. Я послѣдовалъ его совѣту, пароходъ остановился, и я съѣхалъ на берегъ.

Оказавшись въ совершенно неизвѣстномъ мнѣ краѣ, и отправился прежде всего отыскивать гостиницу. Мнѣ рекомендовали Hôtel de l'Union, лежащую вблизи, почти на самомъ берегу Босфора. Я нашелъ тамъ большую, свѣтлую, очень хорошую комнату, убранную по-восточному, съ циновками на полахъ, съ красивымъ видомъ на Босфоръ и помѣстился въ ней.

Оправившись отъ дороги и передѣвнясь, я отправился въ посольство, чтобы представиться послу. Е. П. Новиковъ принялъ меня очень любезно, мы съ нимъ тутъ же переговорили о дѣлахъ, затѣмъ онъ пригласилъ меня къ обѣду въ семь часовъ.

Я воспользовался свободнымъ временемъ до обѣда, чтобы погулять въ окрестностяхъ Буюкдере, напоминавшихъ мнѣ по типу нѣсколько Montreux на берегу Женевского озера.

Въ семь часовъ я отправился въ посольство. Евгенийъ Петровичъ представилъ меня женѣ и дочери, кромѣ того я встрѣтилъ тамъ А. И. Кирѣеву, родственницу Новикова, которая временно жила у нихъ въ семействѣ. Анна Ивановна, вдова Н. А. Кирѣева, героически павшаго на полѣ битвы въ рядахъ сербскихъ добровольцевъ въ началѣ Турецкой войны. Братъ Евгения Петровича былъ женатъ на сестрѣ покойнаго мужа Анны Ивановны, О. А. Кирѣевой, почти постоянно проживавшей въ Лондонѣ, гдѣ ея салонъ былъ временно центромъ политическихъ людей и въ которомъ постоянными посѣтителями были и Гладстонъ, съ которымъ Ольга А. была въ хорошихъ отношеніяхъ. О. А. приобрѣла широкую извѣстность своими политическими статьями въ англійскихъ журналахъ, въ которыхъ она постоянно отстаивала интересы Россіи. Такъ какъ она подписывала свои статьи буквами О. К.—то ее въ Петербургскихъ кругахъ обыкновенно такъ и называли О. К.

Съ А. И. Кирѣевой я уже познакомился въ Египтѣ во время моей поѣздки на открытіе Суэзскаго канала, и мы потому встрѣтились съ нею, какъ старые знакомые. Встрѣча въ новой средѣ, съ знакомою личностію значительно облегчила сближеніе съ прочими членами семейства Новикова, съ которыми и почти немедленно стали въ пріятельскія отношенія, такъ какъ все отнеслось ко мнѣ очень любезно. Кромѣ того у посла обѣдали еще нѣкоторые члены посольства, между прочимъ секретари Карцовъ и Комаровъ.

Разговоръ во время обѣда былъ очень оживленный. Евгенийъ Петровичъ былъ большимъ любителемъ игры въ шахматы: узнавъ, что и я играю въ шахматы, онъ послѣ обѣда устроилъ партію à quatre: онъ, Карцовъ, Комаровъ и я. Такимъ образомъ у насъ съ

самаго начала установились очень хорошія и непринужденныя отношенія. Впоследствии, когда въ Константинополѣ я, по приглашенію Новикова, совершенно переѣхалъ къ нимъ жить въ посольство, я сдѣлался какъ бы членомъ семейства, обѣдалъ у нихъ ежедневно, вмѣстѣ съ ними выѣзжалъ въ общество, на вечера и дѣлилъ всѣ ихъ интересы.

Съ Евгеніемъ Петровичемъ я уже былъ знакомъ со времени моихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, но тамъ наши отношенія оставались самыми поверхностными; я съ нимъ видѣлся нѣсколько разъ, иногда обѣдалъ въ его семействѣ, но никакого сближенія между нами не произошло: онъ не особенно интересовался порученными мнѣ переговорами, желая повидимому остаться въ сторонѣ отъ этого дѣла, считая его вѣроятно чисто спеціальнымъ и техническимъ вопросомъ, мало касающимся его дипломатической дѣятельности.

Здѣсь же въ Константинополѣ по общему дѣлу, его близко интересующему и въ сущности вызванному имъ самимъ, между нами установились съ самаго начала совершенно другія отношенія, которыя постепенно дѣлались даже дружески-интимными.

Евгеній Петровичъ принадлежалъ къ выдающимся личностямъ нашего дипломатическаго корпуса. Узнавъ его близко, во время продолжительной совмѣстной дѣятельности, я не могъ не считать его самымъ умнымъ и основательнымъ изъ всѣхъ нашихъ дипломатическихъ свѣтилъ того времени.

Одаренный очень тонкимъ умомъ и основательно образованный, Евгеній Петровичъ, можно сказать, соединялъ въ себѣ всѣ лучшія качества и свойства русскаго человѣка съ достоинствами глубокаго европейскаго образованія.

Воспитанникъ Московскаго университета, онъ уже на выпускномъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе своей диссертацией „о Лютерѣ“,—съ которой я впоследствии познакомился. Это была не брошюра, какъ всѣ диссертации, а обстоятельное историческое сочиненіе, богатое содержаніемъ, основанное на изслѣдованіи подлинныхъ актовъ, частью уже опубликованныхъ, частью еще сокрытыхъ въ архивахъ, гдѣ ему приходилось ихъ разыскивать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкою философіей.—Помню, что, разъ какъ-то бесѣдуя со мною о религіозныхъ вопросахъ, онъ упомянулъ о философій Шеллинга и затѣмъ пошелъ въ свою бібліотеку, досталъ оттуда книгу Шеллинга и показалъ мнѣ въ ней мѣсто, относившееся къ нашему разговору, которое посоветовалъ мнѣ прочесть. Обладая превосходною памятью, онъ иногда цитировалъ въ разговорѣ цѣлыя стихи Шаллера, котораго онъ, кажется, особенно любилъ.

Его необыкновенныя способности скоро его выдвинули вперед, онъ сдѣлалъ блестящую карьеру—во время восточной войны онъ былъ уже нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, гдѣ его особенно цѣнилъ Императоръ Францъ-Іосифъ, а послѣ заключенія мира былъ назначенъ посломъ въ Константинополь; затѣмъ однако враждебная ему руссофильская партія въ Петербургѣ достигла того, что дальнѣйшей его дипломатической дѣятельности положенъ былъ предѣлъ.

Истинно русскій по убѣжденію и по чувству, до глубины сердца, Евгеній Петровичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникъ господствовавшаго тогда въ Петербургѣ крайняго руссофильскаго настроенія. Какъ и большинство нашихъ дипломатовъ, онъ смотрѣлъ на это направленіе какъ на вредное для интересовъ Россіи, и считалъ, что истинный патріотизмъ заключается въ соблюденіи русскихъ интересовъ, а не въ погонѣ за популярностью въ извѣстной господствовавшей тогда средѣ. Крайне нервный и въ мелочахъ, вслѣдствіе своей нервности, осторожный до щепетильности, какъ скоро дѣло касалось важнаго вопроса или его убѣжденія, онъ ничѣмъ не стѣснялся, выказывая рѣдкую самостоятельность и рѣшительность. Такъ и по поводу господствовавшаго тогда крайняго псевдопатріотическаго настроенія онъ высказывалъ всегда, не стѣняясь никакими посторонними соображеніями и съ горячностью, свое несочувствіе этому настроенію. Его образъ мыслей потому не могъ не быть извѣстнымъ въ Петербургѣ и создавалъ ему въ средѣ крайней русской партіи немало ожесточенныхъ враговъ; — правительство упрекали въ томъ, что на востокъ, гдѣ у насъ столько интересовъ, оно держитъ представителя съ такимъ вреднымъ направленіемъ. Между тѣмъ рѣдкій дипломатъ достигалъ гдѣ-либо такихъ постоянныхъ успѣховъ, какъ Новиковъ, успѣховъ, служившихъ лучшимъ доказательствомъ того, на сколько онъ умѣлъ отстаивать истинно русскіе интересы.

Въ Вѣнѣ его упрекали, что онъ находится подъ вліяніемъ Андраши, а между тѣмъ, только благодаря его близкимъ отношеніямъ къ графу Андраши, который, оцѣнивъ его тактъ и правдивость, питалъ къ нему полнѣйшее довѣріе—ему удалось удержать Австрію въ относительно хорошихъ отношеніяхъ съ нами на все время Восточной войны. Затѣмъ въ Константинополь, во время пребыванія его тамъ посломъ, возникалъ рядъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые всѣ ему удалось разрѣшить благоприятно, потому что онъ не ставилъ ихъ ребромъ, какъ желали у насъ представители мнѣнія „шапками закидаемъ“, а благодаря своему дипломатическому такту и умѣнію, доводилъ до удовлетворительнаго конца. Такъ, между прочимъ, въ началѣ его пребыванія

въ Константинополь, Греція легкомысленно вачала войну съ Турціей, подъ давленіемъ общественнаго у нея мнѣнія, греческія войска были разбиты и отчасти уничтожены, и Греція оказалась совершенно à la merci Турціи. Благодаря ловкому и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне энергическому вмѣшательству Новикова, Портѣ не удалось воспользоваться до конца своей побѣды и не удалось унижить Грецію, которая отдѣлалась довольно легкими пожертвованіями при заключеніи мира. Затѣмъ при немъ стали періодически возникать вопросы о проходахъ нашихъ черноморскихъ судовъ Россійскаго Общества, съ новобранцами, хотя и не вооруженными, черезъ Дарданеллы. Порта постоянно возбуждала по этому поводу затрудненія и несмотря на то, каждый разъ по настоянію Новикова окончательно соглашалась на пропускъ. Затѣмъ при немъ разрѣшился вопросъ о постройкѣ храма на Шинкѣ, тоже встрѣтившій разнообразныя затрудненія, наконецъ дѣло о военномъ вознагражденіи и цѣлый рядъ другихъ, хотя и второстепенныхъ успѣховъ—служили доказательствомъ его необыкновеннаго умѣнія вести дѣла.

Несмотря на это, враждебная ему руссофильская партія разными интригами достигла въ 1882 году смѣщенія его съ поста посла въ Константинополь; онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ этою новою дѣятельностію онъ никакъ не могъ примириться; привыкши руководить важными международными дѣлами, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, онъ никакъ не могъ сжиться съ интересами административной дѣятельности и при томъ нерѣдко чисто формальной, въ качествѣ члена Общаго Собранія. Послѣ сезона, проведеннаго въ Петербургѣ, онъ испросилъ себѣ безсрочный отпускъ, окончательно поселился въ Москвѣ и въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта уже не принималъ викакого участія. Такимъ образомъ изъ-за личныхъ интригъ, Россія была лишена услугъ первостепеннаго дипломата, который могъ бы еще не мало принести пользы нашему отечеству; тѣмъ болѣе, что мы въ то время не обладали въ числѣ нашихъ дипломатовъ особенно выдающимися личностями.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, ознакомившись нѣсколько съ положеніемъ дѣла, я написалъ обстоятельное донесеніе въ формѣ письма, Министру Финансовъ. Въ этомъ письмѣ я между прочимъ указывалъ на шаги, уже сдѣланные Новиковымъ въ нашемъ дѣлѣ и на его твердый и энергическій образъ дѣйствія. Я считалъ необходимымъ выставить послѣднее, зная, что Новикова упрекаютъ въ Петербургѣ въ недостаточной энергіи, при моемъ отъѣздѣ мнѣ говорилъ одинъ совѣтникъ М.И.Д. въ видѣ напутствія: *surtout beaucoup d'énergie, c'est ce que l'on désire en haut lieu.* Передъ отсылкою

моего письма, я далъ его прочитатъ Евгенію Петровичу. Привычный бороться съ интригами, которыми такъ изобилуетъ дипломатическая карьера, Новиковъ не могъ не оцѣнить моего прямого и откровеннаго образа дѣйствія, и это съ самаго начала послужило основаніемъ къ нашему сближенію съ нимъ. Содержаніе моего письма было доложено Государю, и вскорѣ послѣ того была получена депеша, въ которой Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Гарсъ извѣщалъ Новикова, что Государь вполне одобряетъ его образъ дѣйствія и направленіе, данное имъ дѣлу о военной контрибуціи. Разумѣется, эта депеша не могла не произвести на него самое пріятное впечатлѣніе. Наши отношенія становились все болѣе интимными и сохранились такими до самаго конца его жизни. Память о нашей совместной дѣятельности и о близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ такою замѣчательною личностію, какою былъ Евгеній Петровичъ Новиковъ, принадлежитъ къ лучшимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Семейство Евгенія Петровича состояло изъ жены, дочери и двухъ сыновей. Его жена Марія Николаевна была женщиною умная и добрая.

Его дочь Вѣра Евгеніевна, очень милая и умная особа, вышла впоследствии замужъ за Шеншина. Изъ двухъ его сыновей младшій умеръ еще молодымъ человѣкомъ, а старшій, начавшій службу въ флотѣ и перешедшій затѣмъ въ дипломатическую карьеру, женился на дочери графа Лорисъ-Меликова, съ которою я впоследствии познакомился въ Петербургѣ.

Составъ нашего посольства, съ которымъ я тоже очень скоро сблизился, такъ какъ былъ принятъ очень радушно въ его средѣ, состоялъ въ то время изъ слѣдующихъ лицъ:

Совѣтникомъ посольства былъ Базилъ—человѣкъ очень богатый, греческаго происхожденія (его отецъ находился въ качествѣ драгомина также на русской службѣ), державшійся почему-то нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ членовъ посольства. Впоследствии онъ занималъ постъ директора Азіатскаго Департамента.

Начальникомъ драгомановъ былъ главный драгоманъ Ову. Онъ былъ румынскаго происхожденія и женатый на французской подданной. Во время Крымской войны онъ, какъ кажется, сиротою былъ подобранъ русскими, чуть ли не на полѣ сраженія, въ какой-то разоренной деревнѣ и впоследствии усыновленъ барономъ Жомини, сыномъ извѣстнаго военнаго писателя временъ Александра I-го, который былъ совѣтникомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Баронъ Жомини воспиталъ его и помѣстилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Какъ человѣкъ очень способный и хорошо знакомый съ восточными языками, онъ сдѣлалъ, благодаря вліятельному положенію барона Жомини, быструю карьеру.

За нѣсколько дней до моего приѣзда въ Константинополь съ Ону случился слѣдующій трагическій эпизодъ, о которомъ тогда очень много говорили. Ону очень любилъ лошадей и хорошо ѣздилъ верхомъ. Однажды ему Султанъ подарилъ лошадь изъ своей конюшни. На этой лошади Ону вмѣстѣ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Экъ, находившимся въ командировкѣ въ Константинополь, поѣхалъ гулять въ окрестности города. Съдоки разговорились о качествахъ своихъ лошадей; Ону предложилъ своему спутнику испробовать его лошадь, полученную отъ Султана, и они пересѣли одинъ на лошадь другого. Они проѣхали только нѣсколько шаговъ, какъ изъ канавы, находившейся вдоль дороги, раздакъ выстрѣлъ, и нашъ военный агентъ, смертельно раненый, упалъ съ лошади. Убійца былъ схваченъ и оказался конюхомъ, ходившимъ за лошадью, которая была подарена Ону. Эти люди замѣчательно привязываются къ животнымъ, за которыми они ходятъ; убійца, полюбившій свою лошадь, былъ такъ возмущенъ тѣмъ, что Султанъ подарилъ ее гяуру, что рѣшился убить его. Убійцу судили и приговорили, кажется, къ каторжнымъ работамъ. Такимъ образомъ Ону, благодаря счастливой для него случайности, спасся отъ вѣрной смерти, такъ какъ пули, сразившая нашего военного агента, очевидно была предназначена ему.

Ону окончилъ свою дипломатическую карьеру постомъ посланника въ Афинахъ, на которомъ онъ и оставался до своей смерти.

Генеральнымъ консуломъ въ Константинополь былъ Лишинъ, у котораго жила прехорошенькая его родственница, M-lle Fagnetti, замѣчательная пианистка. Она впоследствии вышла замужъ за состоящаго при посольствѣ Яковлева, который затѣмъ былъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ.

Первымъ секретаремъ въ посольствѣ былъ Щербачевъ, человѣкъ чрезвычайно сдержанный, деликатный и обладавшій большимъ тактомъ,—онъ въ настоящее время занимаетъ мѣсто посланника въ Афинахъ, куда онъ былъ назначенъ послѣ смерти Ону.

Затѣмъ при посольствѣ находились Карцовъ, Вурцель, Максимовъ, Кухти, Демерикъ и Комаровъ.

Ю. С. Карцовъ, сынъ покойнаго генерала Карцова, игравшаго нѣкоторую роль въ Польшѣ во время подавленія возстанія и наѣзденнаго тамъ майоратомъ, и племянникъ нашего генеральнаго консула въ Парижѣ, былъ секретаремъ посольства. Карцовъ рѣдко умный человѣкъ, но часто крайній въ своихъ сужденіяхъ и всегда склонный доводить мысли до послѣдняго парадоксально логическаго предѣла. Нѣсколько времени послѣ моего отъѣзда изъ Константинополя, онъ былъ назначенъ консуломъ въ г. Могуль, въ центрѣ Малой Азии, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе прострѣлить себѣ колѣно. Ѣдули верхомъ,

онъ увидѣлъ на дорогѣ зайца, выхватилъ изъ сѣдла пистолеть, чтобы выстрѣлить въ него, но какъ человекъ близорукій, по неосторожности выстрѣлилъ слишкомъ рано и попалъ себѣ въ ногу, раздробивъ колѣно. Могуль находился, какъ я уже замѣтилъ, въ центрѣ Азіи, удаленный на нѣсколько сотъ верстъ отъ такого города, въ которомъ можно было оказать правильную помощь раненому. Въ такомъ состояніи несли его всю дорогу на носилкахъ и, наконецъ, доставили въ Константинополь. Можно себѣ представить, какія страданія онъ перенесъ во время этого продолжительнаго пути, лежа на носилкахъ съ раздробленной ногой. Въ Константинополѣ онъ былъ помѣщенъ въ госпиталь, гдѣ ему оказали первую настоящую хирургическую помощь, но такъ какъ столь трудный случай требовалъ особенно умѣлаго лѣченія, то его перевезли затѣмъ въ Вѣну, гдѣ онъ долгое время лежалъ въ клиникѣ знаменитаго мѣстнаго хирурга. Благодаря заботливому уходу послѣдняго, онъ совершенно оправился, но остался хромымъ на больную ногу, которая послѣ операціи и лѣченія оказалась короче другой. Послѣ этого происшествія онъ оставилъ службу и жилъ нѣкоторое время у себя въ маіоратномъ имѣніи въ Польшѣ, завѣдуя его хозяйствомъ. Затѣмъ, познакомившись съ Ковалевскимъ, онъ чрезъ него былъ представленъ С. Ю. Витте и получилъ мѣсто агента министерства финансовъ въ одномъ изъ южныхъ портовъ Англіи. Какъ человекъ очень самостоятельный, относившійся крайне основательно ко всѣмъ вопросамъ, входившимъ въ сферу его дѣятельности и не согласившійся подчиняться бюрократическому руководству изъ Петербурга — онъ не ужился съ министерствомъ финансовъ и вторично оставилъ службу. Въ настоящее время онъ состоитъ причисленнымъ къ портовому вѣдомству при Вел. Кн. Александрѣ Михайловичѣ. Живо интересующійся всѣми современными вопросами, онъ въ теченіе всего этого времени занимался политической литературой, и его статьи хотя и безъ подписи — обращали на себя вниманіе въ политическихъ кругахъ, такъ что онъ составилъ себѣ репутацію очень выдающагося писателя. Онъ сошелся между прочимъ съ M-me Juliette Adam и помѣстилъ въ издаваемомъ ею журналѣ, *Nouvelle Revue*, рядъ статей о Россіи на французскомъ языкѣ, но тоже безъ подписи. Онъ написалъ даже французскій романъ. Кажется, ему же принадлежали письма о русскомъ обществѣ, появившіяся въ *Nouvelle Revue*, о которыхъ всѣ говорили, но тогда никто не звалъ, кто ихъ авторъ, такъ хорошо ознакомленный со всѣми подробностями Петербургскихъ общественныхъ сферъ. Съ Ю. С. Карцовымъ я до того близко сошелся, что когда впоследствии онъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ гр. Путятина, дѣвицѣ Христофовичъ,

очень симпатичной особѣ, я былъ на его свадьбѣ посаженнымъ отцомъ.

Вурцель, сынъ профессора въ технологическомъ институтѣ, былъ при мнѣ не долго въ Константинополь и впоследствии получилъ мѣсто секретаря въ Цетиньѣ при нашемъ Черногорскомъ министеръ-резидентѣ.

Максимовъ, Кухта и Демерикъ состояли при посольствѣ въ качествѣ драгомановъ.

Максимовъ былъ изъ богатаго московскаго купческаго семейства. Онъ обратилъ на себя вниманіе во время изобіенія армянъ въ Константинополь, спасши своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ Константинопольскій банкъ отъ разграбленія черни. Въ благодарность за его помощь банкъ поднесъ ему значительную сумму, которую ему и разрѣшено было принять. Въ настоящее время онъ находится генеральнымъ консуломъ въ Каирѣ.

Демерикъ въ настоящее время генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ.

Кухта, по дѣламъ о военномъ вознагражденіи, перешелъ впоследствии въ Министерство Финансовъ и въ настоящее время состоитъ представителемъ министерства въ Херсонскомъ банкѣ въ Одессѣ.

Комаровъ, братъ фрейлины Комаровой, которая состояла при Великой Княгинѣ Екатериинѣ Михайловнѣ и затѣмъ вышла замужъ за графа Шувалова, бывшаго нашимъ посломъ въ Берлинѣ и затѣмъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ. Во время нашихъ переговоровъ Комаровъ былъ назначенъ состоять при мнѣ секретаремъ, и мы все время съ нимъ вмѣстѣ работали; обладая замѣчательнымъ талантомъ французской редакціи, онъ оказывалъ мнѣ большую пользу. Въ настоящее время онъ состоитъ совѣтникомъ въ М. И. Д. и участвуетъ въ редакціи „Journal de St. Pétersbourg“.

Кромѣ лицъ постояннаго состава посольства, въ Константинополь находился въ то время еще Данзасъ съ женою. Данзасъ былъ родственникомъ, кажется племянникомъ, известнаго секунданта Пушкина, человекъ необыкновенный умный и тонкій, исполненный разныхъ талантовъ, превосходный знатокъ музыки, занимавшійся живописью, вообще личность замѣчательно одаренная. Онъ былъ въ то время секретаремъ посольства въ Афинахъ и вследствие, кажется, несогласія съ посланникомъ, оставилъ этотъ постъ и былъ временно прикомандированъ къ посольству въ Константинополь. Мы съ нимъ очень сблизились, и затѣмъ наши близкія отношенія съ его семействомъ продолжались и въ Петербургѣ, когда онъ былъ назначенъ совѣтникомъ министерства. Къ несчастію, въ болѣзненномъ припадкѣ онъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ Константинополѣ же я познакомился съ Ст. Ос. Макаровымъ, такъ ужасно погибшимъ передъ Портъ-Артуромъ въ такой моментъ, когда на него возлагались всѣ надежды. При посольствѣ всегда находился русскій станціонеръ, и во время моего пребыванія туда пришелъ въ качествѣ станціонера пароходъ „Тамань“ подъ начальствомъ Макарова. Онъ и жена его, находившаяся съ нимъ, были, разумѣется, приняты въ посольствѣ, гдѣ я съ ними и познакомился. Съ тѣхъ поръ я находился съ нимъ и его женой въ постоянныхъ сношеніяхъ, они посѣщали меня въ Петербургѣ и нерѣдко у насъ обѣдали. На одномъ такомъ обѣдѣ Степанъ Осиповичъ какъ-то разсказалъ, что для его парохода построены два новыхъ паровыхъ катера, но что онъ еще не знаетъ, какъ ихъ назвать. Я предложилъ ему назвать ихъ „Мечъ“ и „Щитъ“, и онъ немедленно принялъ мое предложеніе, такъ что я могу считаться крестнымъ отцомъ двухъ, хотя и скромныхъ членовъ нашего флота. Степанъ Осиповичъ былъ человекъ чрезвычайно умный и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно простой и симпатичный, безъ всякой позировки, такъ что отношенія съ нимъ были самыя пріятныя. Уже тогда о немъ говорили, какъ о выдающемся морскомъ офицерѣ. Онъ отличился на турецкой войнѣ потопленіемъ турецкаго судна. Его ловкость командованія судномъ проявлялась даже въ мелочахъ. Такъ напр. въ Босфорѣ, гдѣ очень сильное теченіе, приходится двигаться очень осторожно, тѣмъ болѣе, что передъ пароходомъ постоянно снуютъ масса разныхъ мелкихъ судовъ. Несмотря на то, Макаровъ на своемъ пароходѣ всегда шелъ обыкновеннымъ ходомъ, иногда при этомъ передъ самымъ носомъ парохода оказывалась турецкая фелюга, и такъ и казалось, что она будетъ затоплена, но въ послѣдній моментъ Макаровъ ловко отворачивалъ нѣсколько въ сторону, и спокойно проходилъ мимо нея, у него никогда не происходило столкновенія съ постороннимъ судномъ. Точно также подходя къ мѣсту стоянки, другіе пароходы задолго умѣряли ходъ, боясь въ виду сильнаго теченія быть отнесенными въ сторону. Но Макаровъ, не умѣряя хода почти до послѣдней минуты, прямо подходилъ къ бочкѣ, которая означала мѣсто стоянки, по данному сигналу матросъ спускался съ парохода съ канатомъ и прикрѣплялъ пароходъ къ бочкѣ; все это было дѣло минуты и происходило какъ на парадѣ, несмотря на трудныя условія, вызываемыя сильнымъ теченіемъ.

Со всѣми личностями, входившими въ составъ Константинопольскаго посольства, я еще долгое время оставался въ сношеніяхъ, когда кто-либо изъ нихъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, они обыкновенно посѣщали меня и у меня обѣдали, а съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ уже выше указано, у меня установились постоянныя пріятельскія отношенія.

Нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, Е. П. Новиковъ представилъ меня турецкимъ министрамъ. Первымъ министромъ былъ тогда Саидъ-Папа, который пользовался большимъ вліяніемъ у Султана. Мы поѣхали къ нему въ Порту съ Евгеніемъ Петровичемъ, и насъ немедленно ввели въ комнату, убранную по-европейски, но по виду похожую на пріемную комнату второклассной гостиницы. Голыя стѣны безъ всякаго убранства, нѣсколько креселъ и стульевъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ, да нѣсколько столовъ, вотъ и все, вообще безъ всякой другой обстановки. Очевидно, что въ этой комнатѣ не жили, и что она служила только для пріема. Саидъ-Папа, который насъ ожидалъ въ этой комнатѣ, былъ маленькій человѣчекъ, поражающій посѣтителя своими умными и пронзательными глазами, типъ восточнаго государственнаго чловека; это была личность съ твердымъ характеромъ, очень осторожная и хитрая. Новиковъ представилъ меня ему; нашъ разговоръ ограничился, разумѣется, только общими мѣстами, такъ какъ наши дѣловые переговоры еще не начинались.

Затѣмъ посолъ представилъ меня министру иностранныхъ дѣлъ Ассимъ-Пашѣ и министру финансовъ Серверъ-Пашѣ, которые были назначены Султаномъ для переговоровъ съ нами. Ассимъ-Папа высокій, худощавый турка, чрезвычайно деликатный и боязливый и по виду добродушный; бѣдный Ассимъ-Папа нѣсколько лѣтъ спустя былъ уволенъ отъ мѣста министра иностранныхъ дѣлъ и сосланъ въ Малую Азію, какъ это часто происходило въ Турціи съ сановниками, попадавшими почему-либо въ немилость. Тамъ онъ и померъ: говорили, что будто его отравили, вѣроятно по повелѣнію Султана.

Серверъ-Папа былъ, напротивъ того, чловекъ красивой наружности, чрезвычайно спокойный и уравновѣшенный и съ большимъ достоинствомъ. По своему образу обращенія съ людьми онъ напоминалъ мнѣ нѣсколько А. А. Абазу.

Но самая выдающаяся и интересная личность изъ мѣстныхъ вліятельныхъ особъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться, былъ тогдашній вселенскій патріархъ Іоакимъ III, которому меня Новиковъ также представилъ, и у котораго я бывалъ съ Евгеніемъ Петровичемъ нѣсколько разъ. Вселенскій патріархъ произвелъ на меня въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Красивый мужчина, тогда среднихъ лѣтъ, онъ принималъ насъ съ большимъ достоинствомъ, но обращался совершенно просто и естественно, такъ что въ разговорѣ съ нимъ не ощущалось никакого стѣсненія. Разговоръ его былъ разговоромъ совершенно образованнаго чловека, и дѣйствительно мнѣ говорили, что онъ даже слушалъ лекціи

въ германскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ нашего отъезда, онъ по интригамъ одной греческой партіи, вліявшей на патріархію, принужденъ былъ сложить съ себя званіе вселенскаго патріарха. Но затѣмъ въ послѣднее время онъ вторично былъ избранъ патріархомъ и въ настоящее время носитъ этотъ санъ. Вселенскій патріархъ живетъ въ отдѣльной части города, называемой Фаваромъ, окруженной со всѣхъ сторонъ стѣнами, въ которую въѣзжаютъ черезъ особенныя врата. Эти врата получили историческую извѣстность съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія, во время греческаго возстанія, на нихъ былъ повѣшенъ тогдашній вселенскій патріархъ, по приказанію султана Соломона.

Въ Фанарѣ помѣщается также патріаршая церковь, большое строеніе, не отличающееся изяществомъ архитектуры. Мнѣ пришлось однажды быть въ ней на службѣ, и я былъ непріятно пораженъ греческимъ пѣніемъ, чрезвычайно монотоннымъ, при почти совершенномъ отсутствіи опредѣленной мелодіи. Замѣчательно, что внутри собора, по стѣнамъ устроены рядъ маленькихъ отдѣленій, какъ бы стойла, — при чемъ каждый молящійся становится въ такое отдѣленіе.

Одновременно съ ознакомленіемъ съ турецкимъ личнымъ составомъ, пришлось знакомиться и съ мѣстными дипломатами. Евгений Петровичъ самъ представлялъ мени главнымъ изъ нихъ. Представителемъ Англіи былъ тогда лордъ Дэферинъ, бывший некоторое время посломъ въ Петербургѣ; германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ Гиршфельдъ, женатый на дочери богатаго заводчика Крамста, владѣвшаго громадными копами каменнаго угля въ Силезіи; австрійскій посоль—баронъ Каличе, женатый, кажется, на англичанкѣ; греческій посоль Кондуріоти и итальянскій посоль графъ Расконгли. У послѣдняго были двѣ хорошенькія дочери, которыя очень мило пѣли испанскіе романсы, аккомпанируя сами себѣ на гитарѣ. Изъ всего этого общества я особенно сблизился съ австрійцами и германцами, это все были очень любезные и обходительные люди. Въ числѣ германскихъ дипломатовъ былъ между прочимъ интересный молодой человекъ князь Аренбергъ, съ которымъ я часто видѣлся.

Въ Англійскомъ посольствѣ я встрѣтилъ стараго знакомаго, Валласа (Wallace), извѣстнаго корреспондента Тимса, который нѣкоторое время жилъ въ Россіи и написалъ о Россіи книгу, обратившую общее на себя вниманіе вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ людей и жизни. Валласъ предлагалъ мнѣ пользоваться его перомъ, если бы мнѣ пришлось желательнымъ помѣстить что-либо

въ иностранномъ журналѣ, и я дѣйствительно во время переговоровъ пользовался его услугами.

Наконецъ пришлось познакомиться и съ представителями бондгольдеровъ и сдѣлать имъ визиты. Съ представителемъ австрійцевъ Майеромъ я уже былъ знакомъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ секретаремъ или совѣтникомъ посольства, французъ Вальфрей и нѣмецъ Гешеръ оказались очень любезными людьми, но не могу сказать того же объ англичанинѣ Бруксѣ. Бесѣдуя со мною на первомъ же визитѣ, онъ такъ нестѣсненно отрицалъ права Россіи, отстаивая права бондгольдеровъ, что пришлось отвѣтить ему просто, что я совершенно противоположнаго съ нимъ мнѣнія, и что потому продолжать разговоръ на эту тему совершенно излишне; мы расстались съ нимъ очень сухо и затѣмъ оставались на наткнутой ногѣ, между тѣмъ какъ съ остальными представителями бондгольдеровъ я все время поддерживалъ хорошія отношенія.

Послѣ указанія на личности, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться въ Константинополѣ, остается еще сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня самимъ городомъ.

Константинополь состоитъ собственно изъ трехъ частей. Возвышенная часть города, Пера, въ которой помѣщается большинство посольствъ, гостиницы и дома богатыхъ греческихъ негоціантовъ, которыхъ потому называютъ перротами, и жилища другихъ европейцевъ; эта часть города имѣетъ потому совершенно европейскій характеръ. Нижняя часть города Галата, соединенная съ Перой подземной желѣзной дорогой, по которой въ какія-нибудь пять минутъ происходитъ переѣздъ изъ одной части города въ другую. Здѣсь ютится мелкій торговый людъ, преимущественно армяне, греки и итальянцы, наконецъ турецкая часть города, старый настоящій Стамбуль. Здѣсь прежде жили Султаны въ такъ называемой *pointe du Serail* у Золотого Роба (заливъ Босфора)—здѣсь же возвышаются громады мечети съ высокими минаретами и самая главная изъ нихъ Айя-Софія, Са-Софія.

Къ этому древне-христіанскому собору, святилищу Византии, подходишь и вступаешь въ него съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ благоговѣнія. Это чудо христіанскаго зодчества, обращенное послѣ взятія Константинополя турками въ мечеть, уже много столѣтій ожидаетъ возврата его христіанскому культу, но, вѣроятно, еще много и много времени турки будутъ оставаться хранителями главныхъ христіанскихъ святынь въ Константинополѣ и Іерусалимѣ. Какую печальную пропію надъ культомъ христіанской любви и единства христіанъ, къ которымъ вывааетъ божественная религія, представляютъ тѣ печальныя отношенія вражды, въ которыхъ на-

ходятся между собою различныя христіанскія исповѣданія. Несомнѣнно, что если бы завтра турецкая стража удалилась отъ гроба Господня, то на этомъ святомъ мѣстѣ немедленно возгорѣлась бы междуусобная борьба между христіанами: православными, католиками, протестантами и даже среди православныхъ между греками, сербами, русскими и другими національностями.

Внѣшній видъ Св. Софіи совершенно разочаровываетъ приближающагося къ этой исторической святыни. Ожидаетъ усмотрѣть величественный храмъ, а вмѣсто того взорамъ подходящаго представляется массовая агломерация разныхъ незначительныхъ строеній, такъ, сказать облѣпившихъ храмъ со всѣхъ сторонъ, такъ что изъ-за нихъ собственно совершенно не видно никакого собора и только изъ этой груды построекъ возвышается величественный куполь Св. Софіи; но тѣмъ болѣе поражаетъ посѣтителя внутренность собора, при вступленіи въ него. Трудно описать впечатлѣніе, производимое громаднымъ размѣрами внутренности собора, съ возвышающимся надъ нимъ куполомъ, прорѣзаннымъ рядомъ продолговатыхъ окошекъ, и покоящимся непосредственно на стѣнахъ собора, безъ какой-либо опоры пилястрами. Въ этомъ заключается чудо водчества Св. Софіи. Благодаря такой конструкціи, внутренность собора дѣлаетъ впечатлѣніе какого-то воздушнаго пространства, какъ бы возносящаго въ высь самого посѣтителя.

Внутренность собора, обращеннаго въ мечеть, украшена только вдоль стѣнъ рядомъ изящныхъ колоннъ, но затѣмъ безъ всякихъ другихъ украшеній, какъ во всѣхъ мечетяхъ, такъ какъ исламизмъ не допускаетъ никакихъ священныхъ изображеній: только на стѣнахъ мѣстами повѣшены арабскія надписи изъ корана, на полу мечети разсланы ковры, а вблизи того мѣста, гдѣ находился иконостасъ, возвышается родъ каюды для муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Въ мечети, впрочемъ, всегда можно застать молящихся, сидящихъ какъ-то особенно на корточкахъ. Стѣны собора были первоначально покрыты священными фресками, но такъ какъ, какъ уже выше замѣчено, магометанская религія не допускаетъ въ мечетяхъ изображенія личностей, то всѣ эти фрески, съ превращеніемъ христіанскаго собора въ мечеть, были закрашены известью. Со временемъ, однако, известковая краска обсыпалась, такъ что изъ-за нея мѣстами полувыглядываютъ головы и крылья ангеловъ и херувимовъ, которыя производятъ какое-то особенное впечатлѣніе. На одной изъ стѣнъ собора показываютъ коричневое пятно въ формѣ пальцевъ человѣческой руки. Рассказываютъ, что во время ваятія Константинополя турками масса мѣстныхъ жителей бросилась въ соборъ, ища тамъ спасенія отъ враговъ. Но

турки, ворвавшись за ними въ соборъ, произвели въ самомъ соборѣ ужасную рѣзню, убивая и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Послѣ нѣкотораго времени въ соборѣ вѣхалъ по трупамъ, на конѣ султанъ Сулейманъ и, приложивъ свою окровавленную руку къ стѣнѣ (это мѣсто пятна), объявилъ конецъ рѣзни и убійствамъ. Разстояніе, на которомъ находится отъ пола кровавое пятно, позволяетъ судить о томъ, до какой высоты храмъ былъ наполненъ трупами.

Сохранилось еще другое сказаніе о времени вторженія турокъ въ Св. Софію — нѣсколько напоминающее легенду о германскомъ императорѣ Фридрихѣ Барбаросѣ, погибшемъ на пути въ Іерусалимъ во время крестоваго похода. Легенда о послѣднемъ гласила, что онъ не погибъ, а сидитъ въ пещерахъ Кифгейзера, его борода продолжаетъ расти и проросла уже каменную плиту, на которую онъ опирается, — онъ возстанетъ и появится въ міръ, когда возникнетъ вновь Германская Имперія.

Подобная же легенда существуетъ и о Софійскомъ соборѣ. Рассказываютъ, что во время вторженія въ него враговъ, священникъ совершалъ литургію передъ алтаремъ; желая охранить св. дары отъ оскверненія мусульманами, онъ взялъ чашу и дары въ руки, и пошелъ по галлерей, идущей вдоль стѣны храма, надѣясь найти тайный выходъ, вдругъ передъ нимъ разверзлась стѣна и онъ вошелъ съ дарами въ открывшееся пустое пространство въ стѣнѣ, которая немедленно закрылась за нимъ. Тамъ онъ пребываетъ до сихъ поръ и въ тотъ моментъ, когда Аія Софія возвратится христіанамъ, стѣна вновь раскроется, и изъ нея выйдетъ священникъ съ дарами.

Не вдалекѣ отъ Аиы Софіи находится историческая площадь Подмайдаля. На этой площади, во времена Византіи, происходили народныя собранія, конныя ристалища, скачки и битвы между партіями зеленыхъ и синихъ; вообще здѣсь кипѣла мѣстная жизнь. Посреди площади сохранилась еще имѣобразная изваястая колонна изъ бронзы, сооруженная еще до взятія Константинополя турками.

На концѣ Стамбула, на мысѣ, образуемомъ Золотымъ Рогомъ, заливомъ Босфора, на такъ называемой *pointe du Serail*, находится старыя дворецъ, въ которомъ цинѣ помещаются сокровища Султана, — одѣянія, оружія, едла, богато убранныя драгоценными камнями. Я нигдѣ не видалъ изумрудовъ такой величины, какъ тамъ. Въ прежнес время Султаны жили въ этомъ дворцѣ, но Абдуль-Меджидъ, послѣ революціи, которою онъ былъ возведенъ на престолъ, переселился въ Ильдизъ-Кіоскъ, на берегу Босфора и живетъ тамъ подъ охраной гвардіи, состоящей изъ отборныхъ

албанскихъ войскъ. Безъ особаго разрѣшенія никто не можетъ проникнуть въ Ильдизъ-Кіоскъ, со всѣхъ сторонъ окруженный войсками. Крайне подозрительный Абдуль-Меджидъ находится въ постоянномъ опасеніи, могущаго случиться, направленнаго противъ него движенія.

Къ осмотру дворцовыхъ строевій и хранящихся въ нихъ драгоценностей допускаются только почетныя лица. На это испрашивается каждый разъ разрѣшеніе Султана и затѣмъ, за лицомъ, которому дано такое разрѣшеніе, пріѣзжаетъ придворный экипажъ, съ лакеями, въ которомъ его везутъ въ серальскій дворецъ. Кучеру и сопровождавшей прислугѣ принято давать довольно значительное вознагражденіе, франковъ около шестидесяти.

Стамбуль соединяется съ Галатой широкимъ плавучимъ мостомъ. По этому мосту происходитъ постоянно самое оживленное движеніе, поражающее зрителя разнообразіемъ народностей, костюмовъ возницъ и т. п. По немъ движутся постоянно европейцы, турки, арабы, черкесы—а между ними экипажи, запряженные то лошадьми, то мулами. Небольшіе фактоны, элегантныя викторіи, арбы, телѣги, — наконецъ всадники на лошадяхъ и ослахъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Среди этой публики, на ослахъ верхомъ, или въ посылкахъ, попадаются представительницы прекраснаго пола, закутанныя въ широкія простыни, окутывающія ихъ съ головы до ногъ, такъ что онѣ похожи на какихъ-то пузырей, съ закрытыми также лицами. У бѣдныхъ женщинъ эти покрывала изъ бумажной матеріи сѣраго цвѣта, а у богатыхъ шелковыя и атласныя, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, голубыя, розовыя, бѣлыя.

Интересное мѣсто въ Стамбулѣ также турецкій базаръ. Это раскинутое на обширномъ пространствѣ низкое зданіе или скорѣе рядъ зданій, подъ круглыми сводами, среди которыхъ пролегаеть цѣлый лабиринтъ проходовъ и корридоровъ, по сторонамъ которыхъ ютятся мелкія лавченки, чрезвычайно невзрачныя на видъ, но въ которыхъ продаются драгоценныя турецкія и другія восточныя ткани, золотыя вышивки, ковры, старое оружіе, серебряныя издѣлія и т. п. Въ Константинополѣ особенно цѣнятся старинныя ковры.

Въ сторону отъ Босфора, за Вуюкдере лежатъ красивыя долины Токани и Бейкой, украшенныя богатою растительностью, столѣтними дубовыми рощами, между которыми вьются красивыя дорожки. За однимъ изъ самыхъ старыхъ дубовъ сохранилось историческое воспоминаніе; разсказываютъ, что во время крестовыхъ походовъ подъ этимъ дубомъ сидѣлъ Годфридъ Бульонскій.

По ту сторону Босфора находится поселеніе Скутари, древній

Хризополистъ или Золотой городъ, называвшійся такъ потому, что вечернее солнце до того ярко отражается постоянно въ окнахъ его строеній, что онъ, когда смотрѣть на него изъ Константинополя, кажется какъ бы горящимъ въ яркомъ пламени.

При устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ Золотой Рогъ, на азіатской сторонѣ находятся такъ называемыя „Сладкія воды“. Это мѣсто гулянья, на которое по пятницамъ собирается все мѣстное турецкое общество, какъ у насъ ѣздятъ на Стрѣлку, представляетъ интересную картину мѣстной восточной жизни. Туда направляются—обѣдний классъ жителей въ большихъ лодкахъ, богатые въ элегантныхъ каюкахъ и въ экипажахъ. Все это разнообразное общество располагается живописно, въ тѣни деревь, на привезенныхъ съ собою коврахъ и подушкахъ, наслаждаясь красивыми видами окрестностей, освѣщенныхъ восточнымъ солнцемъ. Между группами посетителей располагаются разные продавцы и разнозчики, предлагающіе готовый кофе, рахатъ-лукумъ и другія мѣстныя сладости. Между ними ходятъ продавцы разныхъ издѣлій, золотыхъ, металлическихъ и др., фокусники, укротители звѣрей, акробаты, играющіе страстующіе оркестры. Въ большихъ четверомѣстныхъ экипажахъ, съ стеклянными стѣнами, сидятъ женщины гаремовъ, съ прислугой и дѣтьми, покрытыя вуалями, которыя иногда какъ бы невзначай спускаются съ лица, показывая нерѣдко красивые глаза, но обыкновенно лишенные всякаго выраженія. Все это представляетъ пеструю и живописную картину восточной жизни.

Подготовленіемъ ко всему интересному, которое приходится созерцать въ Константинополь, можетъ служить самая поѣздка въ городъ, по Босфору. Еще живо помню то поразительное впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этой поѣздки, когда въ первый разъ, нѣсколько дней послѣ приѣзда, я отправился изъ Буюкдере въ Константинополь.

Я уже говорилъ о первомъ впечатлѣніи при въѣздѣ въ Босфоръ, съ его гонузскими развалинами на азіатскомъ берегу. Но чѣмъ дальше, тѣмъ картина становится все живописнѣе. Босфоръ окаймленъ скалистыми возвышенностями, то круто спускающимися къ водѣ, то пологими, перерѣзанными красивыми долинами. Кустарная растительность, покрывающая вначалѣ эти возвышенности, мало по малу переходитъ въ роскошную растительность, богатую листвою, среди которой мелькаютъ деревни, роскошныя строенія европейскихъ посольствъ, красивые дома турецкихъ вельможъ, дворецъ Султана Ильдязъ-Кіоскъ и, наконецъ, оригинальный дворецъ Дольма-Бахче. Посреди Босфора, на обѣихъ его берегахъ другъ противъ друга, возвышаются живописныя старинныя укрѣпленія Аватоли-

Кавакъ и Румели-Кавакъ. Румелию турки называютъ Европу, такъ какъ ближайшая къ нимъ страна Европы Румелия, а Анатолию они называютъ Азію. Румели-Кавакъ и Анатоли-Кавакъ означаетъ, поэтому, европейская крѣпость и азіатская крѣпость, т. е. лежащая на европейскомъ и на азіатскомъ берегу. И вдругъ передъ взорами удивленнаго прїѣзжаго открывается Мраморное море, окаймляющее Константинополь съ его оригинальными постройками, высокими минаретами, Золотой Рогъ, Серальскій мысъ (La pointe du Serail) и Скутари на азіатскомъ берегу. Все это представляетъ восхитительную картину, съ которой едва-ли можетъ сравниться какая-либо другая мѣстность.

Въ половинѣ октября посольство переѣхало изъ лѣтняго помѣщенія въ Буюкдере въ городъ, въ роскошный дворецъ русскаго посольства въ Перѣ. Я нанялъ помѣщеніе въ Hôtel d'Orient, но едва туда переѣхалъ и не успѣлъ еще размѣститься, какъ получалъ записку отъ Е. П. Новикова, который очень любезно увѣдомлялъ меня, что онъ можетъ предоставить въ посольствѣ помѣщеніе для меня и приглашаетъ меня туда переѣхать. Я, разумѣется, принялъ съ благодарностью его приглашеніе и немедленно переѣхалъ въ посольство, гдѣ въ мое распоряженіе были предоставлены двѣ элегантныя комнаты съ передней, выходящая на стеклянную галерею, съ чуднымъ видомъ на Босфоръ и на окрестности Константинополя, которыми я каждый день могъ наслаждаться.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ городъ начались наши переговоры съ турецкими делегатами Ассимъ-Пашей и Сернеромъ. Совѣщанія происходили въ зданіи Порты. Порта — это зданіе, въ которомъ помѣщаются всѣ министерства, съ ихъ восточно-чиновнымъ людомъ, но тамъ ведутся въ сущности только обыкновенныя текущія дѣла, а суть каждаго важнаго дѣла получаетъ направленіе изъ Ильдизъ-Кіоска, гдѣ Султанъ самъ руководитъ всѣмъ лично, подѣ влияніемъ окружающихъ его приближенныхъ, родъ камарильи, среди которыхъ выдающуюся роль играетъ главный евнухъ, съ которымъ приходится считаться и министрамъ.

Во время нашихъ переговоровъ я могъ убѣдиться, что нѣтъ людей въ мірѣ, которые, подобно туркамъ, умѣли бы подѣ разными предлогами такъ оттягивать дѣло. Засѣданіе происходило за засѣданіемъ, но наше дѣло почти не двигалось: иногда казалось, что мы приходили къ разрѣшенію, но вдругъ въ слѣдующее засѣданіе все начиналось сызнова; очевидно, по указанію Султана, который держался постоянно въ курсѣ за холмомъ нашихъ засѣданій. Иногда даже засѣданія внезапно прекращались недѣли на двѣ или на три, турецкіе министры заявляли намъ, что они не могли еще получить

необходимыхъ разрѣшеній отъ Султана. Иногда мы были на порогахъ полнаго разрыва, но потомъ дѣло опять начиналось. Благодаря такой тактикѣ турокъ, наши переговоры протянулись отъ октября до апрѣля, т. е. цѣлую зиму. Очевидно, Султанъ хотѣлъ прежде покончить дѣло съ бондгольдерами, чтобы ясно сообразить, въ какія обязательства онъ войдетъ съ ними, чтобы уже тогда серьезно приступить къ установленію условій съ нами. Переговоры съ бондгольдерами окончились дѣйствительно во вторую половину зимы, послѣ того и наши переговоры пошли успешно, но все же протянулись еще около двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, когда Султанъ окончательно рѣшилъ, какіе источники доходовъ могутъ быть предоставлены намъ, то все дѣло окончилось въ какую-нибудь недѣлю. Въ счетъ 800 милліоновъ военной контрибуціи турецкое правительство обязалось платить намъ ежегодно около 3-хъ милліоновъ рублей, или 12 милліоновъ франковъ, которые должны были отчисляться въ нашу пользу изъ поступленія прямыхъ податей четырехъ малоазіатскихъ вилайетовъ, такъ какъ доходъ отъ таможенъ былъ уже переданъ бондгольдерамъ. Договоръ былъ подписанъ Новиковымъ и мною съ нашей стороны и турецкими министрами Ассимомъ, Серверомъ со стороны Порты. Мнѣ было предоставлено подписаться титуломъ *Plenipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de Russie*. Сознаю, что этотъ титулъ доставилъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Въ юности, бывъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, мнѣ приходилось постоянно переписывать ноты съ адресами *Envoyé extraordinaire* и *Ministre Plenipotentiaire*; эти титулы потому были окружены тогда какимъ-то особеннымъ ореоломъ въ мои глаза — теперь же мнѣ самому пришлось облечься въ этотъ титулъ.

Такимъ образомъ я пробылъ въ Константинополѣ девять мѣсяцевъ; все это время я провелъ въ крайне интересныхъ и пріятныхъ условіяхъ.

Жизнь въ семействѣ Е. П. Новикова, съ которымъ я находился въ совершенно интимныхъ отношеніяхъ, и въ обществѣ другихъ членовъ нашего посольства, которые всѣ относились ко мнѣ очень любезно, жизнь для меня совершенно новая, представляла для меня особенный интересъ. Въ этой же средѣ я встрѣчался со всѣми выдающимися личностями, какъ русскими, такъ и иностранными, которыя прѣзжали въ Константинополь и которыя постоянно приглашались Новиковымъ къ обѣду. У него же я встрѣтился съ Н. К. Айвазовскимъ, который пробылъ нѣсколько дней въ Констан-

тиннополѣ. Я эти дни провелъ вмѣстѣ съ нимъ, и мы даже вмѣстѣ снялись на одной карточкѣ у извѣстнаго Константинопольскаго фотографа Абдула.

По временамъ нѣкоторые секретари посольства устраивали завтраки для всего посольства. Такъ какъ они и меня приглашали на эти завтраки, то пришлось отплатить имъ тѣмъ же, — я тоже устроилъ завтракъ для всего посольства, и мой приемъ вполне удался: всѣ были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; послѣ завтрака отпразднели танцевать въ залѣ посольства, всѣ остались очень довольны и еще нѣкоторое время послѣ того говорили о томъ, какъ у меня было весело. Мы обѣдали также на станціонерѣ у Макарова, все это вносило пріятное развлеченіе въ нашу жизнь. Какъ замѣчательный фактъ, приведу, что когда мы обѣдали на пароходѣ у Макарова, былъ жаркій свѣтлый день, солнце грѣло какъ въ іюлѣ, а три дня спустя выпалъ снѣгъ, который покрылъ на нѣсколько вершковъ всѣ улицы Константинополя.

Въ Константинополѣ, гдѣ почти нѣтъ мѣстнаго общества, кругъ такъ называемаго общества, *la Société*, составляютъ только семейства дипломатовъ, которыя потому живутъ, какъ вообще на востоцѣ, въ очень близкихъ между собою сношеніяхъ. Турецкое населеніе, съ гаремной жизнью, разумѣется, въ обществѣ никакого участія не принимаетъ, только мужчины, министры и высшіе сановники появляются на официальныхъ обѣдахъ и большихъ раутахъ у дипломатовъ, сами же у себя никакихъ приемовъ не дѣлаютъ. Мѣстные греческія и армянскія семейства, пероты, негоціанты, банкиры, промышленники, въ средѣ которыхъ есть очень богатые люди, небольшое только число ихъ имѣютъ доступъ въ такъ называемое общество; между ними не мало красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, съ восточно греческимъ типомъ.

Въ дипломатическомъ кругу въ то время жила очень весело. Утренніе приемы, обѣды, балы, рауты, происходили довольно часто. Помню одну курьезную нашу экспедицію на балъ въ австрійское посольство. Зданіе австрійскаго посольства граничило спиною съ русскимъ посольствомъ, такъ что изъ нашего двора непосредственно можно было пройти во дворъ австрійскаго посольства. Но въ экипажѣ приходилось дѣлать довольно большой объѣздъ по улицѣ, круто спускавшейся къ низу. Въ день бала выпалъ сильный снѣгъ и вслѣдствіе того по круто спускавшейся улицѣ опасно было ѣхать. Тогда все наше общество рѣшилось пройти въ австрійское посольство пѣшкомъ черезъ дворы. И вотъ всѣ наши кавалеры и дамы, напянувъ сверхъ бальнаго костюма плащи и въ калошахъ, отправились на балъ пѣшкомъ, предшествуемые прислугой, кото-

рая несла въ канделябрахъ, взятыхъ изъ замка, свѣчи, для освѣщенія пути. Это представляло довольно курьезный кортежъ.

Кромѣ того нерѣдко предпринимались въ пріятномъ обществѣ поѣздки и экскурсіи въ восхитительныя окрестности Константинополя. Въ распоряженіи посольства кромѣ станціонера вмѣлся еще маленькій пароходикъ *mouche*, которымъ можно было пользоваться для этихъ экскурсій. Иногда мы ѣздили въ посольскомъ каякѣ, элегантномъ длинномъ ликѣ, съ двѣнадцатью гребцами, одѣтыми въ богатые турецкіе бѣлые костюмы, въ красныхъ фескахъ съ золотомъ.

Наши экскурсіи направлялись къ генуэскимъ развалинамъ, на противоположной сторонѣ Босфора, на островъ Принчипо, къ развалинамъ городскихъ стѣнъ и въ разныя другія сосѣднія мѣстности.

Одна изъ самыхъ красивыхъ экскурсій была на островѣ Принчипо, *l'isle des Princes*. Это небольшой гористый островокъ, лежащій посреди Мраморнаго моря невдалекѣ отъ города. На немъ находились виллы богатыхъ негоціантовъ, преимущественно грековъ, которые тамъ обыкновенно проводили лѣтній сезонъ.

На Принчипо все общество отпиривалось на пароходѣ, который ходитъ ежедневно между городомъ и островомъ, а съ пристани верхами, нѣкоторые на ослахъ, другіе на лошадяхъ, на возвышенный пунктъ острова, съ котораго открывался чудный видъ на Мраморное море и на Константинополь. Тутъ, среди высокихъ деревьевъ, кавалеры посольства разстлали по травѣ ковры, на которыхъ располагались экскурсіонисты, а кругомъ на деревьяхъ также развѣшивались ковры, для защиты отъ вѣтра, такъ что образовалась какъ бы импровизированная палатка. Расположившись на коврахъ, общество принималось за завтракъ, привезенный съ собою. Однажды кавасы приготовили намъ рѣдкое блюдо. Они въ нашемъ присутствіи сжарили цѣлаго ягненка, проткнувъ черезъ него колы, на громадномъ горящемъ кострѣ; это было крайне живописное и оригинальное зрѣлище; такой вкусной и сочной баранины, какъ эта жаренная столь элементарнымъ способомъ, мнѣ никогда не приходилось ѣсть ни до того, ни послѣ того.

Не менѣе интересна была прогулка около древнихъ стѣнъ Византіи; эта прогулка такъ и называлась *autour des murs*. Къ стѣнамъ приходилось ѣхать одну станцію по желѣзной дорогѣ, къ мѣсту, откуда начиналась прогулка. Эта прогулка вокругъ стѣнъ представляла необыкновенный интересъ какъ по разнообразію красивыхъ видовъ, открывавшихся съ каждаго пункта, такъ и по массѣ историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ этою мѣстностью. Гуляющіе проходятъ мимо сохранившихся еще воротъ въ стѣнѣ, че-

резь которыя турки ворвались въ городъ, и у которыхъ палъ, сражаясь, послѣдній Византійскій императоръ, затѣмъ хорошо сохранившіеся еще развалины дворца Велизаріа, въ концѣ стѣнъ башня, въ которой содержался нѣкоторое время въ заключеніи русскій посолъ во время перваго греческаго повстанія.

Между прочимъ я воспользовался свободнымъ временемъ для поѣздки въ С.-Стефано, къ мѣсту стоянки нашихъ войскъ въ послѣднюю войну и мѣсто заключенія мирнаго договора. Въ этой совершенно пустынной мѣстности ничего не напоминало тогда о происходившихъ на ней историческихъ событіяхъ. Тамъ оказалась только небольшая лавченка, въ которой я съ трудомъ могъ достать кусокъ хлѣба и коробку сардинъ, чтобы утолить свой голодъ.

Наконецъ, чтобы представить полную картину восточныхъ проявленій мѣстной жизни, остается еще указать на три достопримѣчательности—это селамликъ султана, ночную религіозную процессію персовъ, живущихъ въ Константинополѣ, мохаремъ и представленіе вертящихся деришей.

Селамликъ это процессія торжественнаго выѣзда Султана на поклоненіе въ мечеть Ханидіе, находящуюся въ Константинополѣ. Такъ какъ кромѣ селамлика, Султанъ никогда не выѣзжаетъ изъ Ильдизъ-Кіоска, то это представляетъ единственный случай, когда можно видѣть Султана, и потому на селамликъ стекается всегда масса зрителей. Вся мѣстность между дворцомъ и мечетью наполнена народомъ, среди котораго шпалерами стоятъ войска, и вотъ появляется Султанъ на бѣломъ конѣ, съ многочисленной свитой, привѣтствуемый восторженными криками зрителей.

Мохаремъ, происходящій въ мартѣ мѣсяцѣ—печальная процессія живущихъ въ Константинополѣ персовъ-шітовъ, въ воспоминаніе дня смерти Гусейна и страданія семейства Алиева. Персы, какъ извѣстно, раздѣляются на двѣ секты: шиты и сунниты. Шиты считаютъ своими родоначальниками и учредителями пророковъ Гусейна и Алиа, которые были умерщвлены противниками; вотъ въ день смерти этихъ пророковъ и совершается означенное памятное торжественное шествіе.

Дѣло происходитъ вечеромъ, въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя. Мѣстность тускло освѣщается немногими фонарями и факелами, бросающими красный свѣтъ на окружающіе предметы. Вдругъ раздается издали заунывное пѣніе, которое приближается все ближе и ближе, и наконецъ появляется покаянная процессія. Это рядъ людей въ бѣлыхъ рубахахъ, которые при пѣніи покаяннаго гимна, при чемъ постоянно слышится имя Али, медленно шествуя, бьютъ себя по спинѣ веревками и цѣпами до того что съ

нихъ струится кровь, обрашивающая въ багровый цвѣтъ ихъ бѣлыя одѣянія; наиболѣе фанатичные поклонники ударяютъ себя по головѣ даже мечами и доказательствомъ того, что это не просто формальный жестъ, служитъ струящаяся у нихъ изъ головы кровь, падающая также красными пятнами на ихъ бѣлыя рубахи. За каждымъ такимъ меченосцемъ слѣдуетъ его товарищъ и держать надъ его головою небольшую палочку, чтобы ею ослабить ударъ меча,—потому что въ фанатическомъ наступленіи такой фанатикъ могъ бы разсѣчь себѣ не только мускульные покровы головы, но и расколоть себѣ черепъ.

Замѣчательно, что утверждаютъ, что всѣ эти раны очень серьезныя, судя по массѣ крови, которыми покрыты паломники, заживаютъ очень быстро.

Громадное впечатлѣніе, производимое на европейца этимъ дикимъ зрѣлищемъ, трудно поддается описанію—красный тусклый свѣтъ факеловъ, эти окровавленные люди, бичующіе сами себя, стоящій въ воздухѣ запахъ крови, заунывное и однообразное пѣніе—все это поражаетъ зрителя какимъ-то ужасающимъ впечатлѣніемъ.

Въ Константинополѣ можно было видѣть вертящихся дервишей (*dervisches tougneurs*), и мы разъ отправились въ большомъ обществѣ посмотрѣть на ихъ богослуженія; впечатлѣніе совершенно необыкновенное, но нельзя сказать пріятное, оставляетъ за собою это посѣщеніе. Въ полутемной комнатѣ, стѣны которой завѣшаны тканями, находилась группа дервишей въ темныхъ халатахъ, съ остроконечными клобуками на головахъ. Служба началась съ того, что на какомъ-то звуковомъ инструментѣ, кажется родъ флейты, стали играть заунывную однообразную мелодію. Мало-по-малу дервиши, стоявшіе въ кружкѣ, подъ звука этой мелодіи, стали поворачиваться, кружиться, первоначально медленно, а потомъ все быстрее и быстрее, разбрасывая руки, и наконецъ стали приходить въ какое-то изступленіе. Мы тогда вышли изъ комнаты.

По заключеніи переговоровъ, состоялось мое представленіе Султану. Во всѣхъ европейскихъ странахъ делегаты иностранныхъ правительствъ, являющіеся для переговоровъ, обыкновенно представляются главѣ государства вслѣдъ за ихъ прибытіемъ. Но въ Турціи все происходитъ иначе. При моемъ прибытіи въ Константинополь и въ теченіе всего хода переговоровъ, я вѣроятно не былъ для Султана *persona grata*, такъ какъ являлся съ непріятнымъ для него требованіемъ, и потому Султанъ не изъявлялъ желанія меня видѣть. Но когда переговоры благополучно окончились, то мнѣ былъ переданъ однимъ турецкимъ свювникомъ благопріятный обо мнѣ

отзывъ Султана, и вслѣдъ за тѣмъ состоялось мое представленіе. Я поѣхалъ на ауденцію въ Ильдизъ-Кіоскъ вмѣстѣ съ Е. П. Новиковымъ, который и представилъ меня Султану. Султанъ держалъ себя очень сдержано, разговоръ происходилъ при посредствѣ драгомана (переводчика) и продолжался недолго.

На слѣдующій день Евгенийъ Петровичъ передалъ мнѣ отъ Султана орденъ Меджедіе первой степени.

Почти одновременно съ закончаніемъ нашихъ переговоровъ Евгенийъ Петровичъ получилъ отъ Гирса письмо, въ которомъ Гирсъ извѣщалъ его, что онъ отзывается изъ Константинополя съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Это неожиданное извѣстіе, разумѣется, поразило насъ всѣхъ до крайности, особенно послѣ столь благополучнаго исхода нашихъ переговоровъ, котораго даже никакъ нельзя было ожидать. Нелегко было Евгению Петровичу расставаться съ дипломатическою дѣятельностью, которой онъ посвящалъ всю свою жизнь и которую онъ такъ любилъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ ожидали его бюрократически-законодательно-административныя занятія, совершенно для него чуждыя. Онъ перенесъ этотъ ударъ съ большимъ спокойствіемъ духа и достоинствомъ. Такъ какъ онъ собирался вскорѣ за сямъ отправиться въ Россію, то и я отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Въ эти дни мы посѣтили еще съ нимъ на прощаніе вселенскаго патріарха, заѣхали въ Св. Софію и были на вѣтревомъ прощальномъ обѣдѣ у австрійскаго посла, барона Каличе, который былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Новиковымъ, и затѣмъ стали собираться въ путь.

Насталъ день отъѣзда. Передъ отъѣздомъ въ посольской церкви служили молебенъ, на которомъ называли имена всѣхъ отъѣзжающихъ; затѣмъ сняли со всѣхъ присутствующихъ фотографію, и мы отправились на пароходъ „Корниловъ“, который долженъ былъ доставить насъ въ Одессу.

До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ съ Новиковымъ и его семействомъ. Грустно было расставаться съ ними въ Москвѣ послѣ столь продолжительнаго пребыванія въ ихъ семействѣ. По возвращеніи въ Петербургъ я представился Государю.

Мнѣ доставило удовольствіе, что въ рескриптѣ, который сопровождалъ пожалованный мнѣ орденъ Бѣлаго Ора, было упомянуто, что даруется мнѣ послѣдній за успешное исполненіе переговоровъ съ Портой. Обыкновенно ордена даются просто послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы, а потому орденъ, дарованный за спеціальныя заслуги, получалъ особую цѣну.

1883.

Въ концѣ марта я испыталъ тяжелую утрату со смертію матушки. Хотя ей было уже за восемьдесятъ лѣтъ, но она еще принимала до того живое участіе во всей нашей жизни, что ея кончина глубоко отозвалась въ средѣ нашей семьи.

Въ началѣ лѣта я отправился въ путешествіе по Россіи, для ознакомленія съ устройствомъ и порядками нашихъ казначействъ. Черезъ Москву и Воронежъ, гдѣ я засталъ моего бывшего товарища Раева управляющимъ казенной палатой, я проѣхалъ на Кавказъ, посѣтилъ Ставрополь, Владикавказъ, по Военно-Грузинской дорогѣ проѣхалъ въ Тифлисъ, посѣтилъ Потійскій портъ, Кутаисъ, Батумъ, и оттуда моремъ проѣхалъ въ Ялту.

Переѣздъ по Грузинской дорогѣ производитъ громадное впечатлѣніе. Былъ жаркій лѣтній день и, несмотря на то, вершины горъ были покрыты сплошь бѣлою снѣговой пеленой, такъ что, поднявшись къ перевалу, пришлось ѣхать въ траншеѣ, вырытой изъ снѣгу. Снѣжныя стѣны которой по обѣимъ сторонамъ дороги доходили до сажени. Особенно эффектное зрѣлище представляетъ спускъ послѣ перевала, когда передъ глазами окруженнаго снѣжными полями путешественника открывается картина мѣстности, покрытой богатой растительностью, освѣщенной южнымъ солнцемъ и омываемой водами Аргуни. Въ Тифлисѣ тогда былъ главноуправляющимъ гражданскою частью кн. Довдуковъ-Корсаковъ, но я его не засталъ, такъ какъ онъ былъ изъ развѣдѣ; я посѣтилъ княгиню и обѣдалъ у нея нѣсколько разъ. Дворецъ намѣстника съ его роскошною залой въ персидскомъ стилѣ поражаетъ изяществомъ и красотой убранства въ восточномъ вкусѣ; при дворцѣ красивый паркъ, наполненный экзотическими растеніями. Цети и Батумъ были въ то время извѣстны какъ наиболѣе лихорадочныя мѣстности на Кавказѣ. Потійскій портъ, который я осматривалъ, постоянно строился и все оказывался неудобнымъ. О томъ, какъ его перестроить, чтобы сдѣлать доступнымъ судоходству, я тогда слышалъ на мѣстѣ самыя разнообразныя мнѣнія, каждый предлагалъ другой способъ его исправленія. Дѣло въ томъ, что онъ былъ такъ поставленъ къ морю, что во время бури не только въ портѣ не было спокойной воды, но въ немъ происходила такая толчея, что суда внутри порта подвергались большой опасности, чѣмъ въ открытомъ морѣ, и потому предпочитали въ бурное время совершенно не входить въ портъ. Батумъ съ его наполовину восточнымъ, на половину европейскимъ видомъ, тогда только что начиналъ развѣваться. Окруженный болотистою мѣстностію, онъ до

того былъ зараженъ лихорадками, что почти нельзя было встрѣтить въ Батумѣ совершенно здороваго человѣка изъ мѣстныхъ жителей.

Кавказъ и Крымъ представляютъ какъ бы естественный контрастъ. Обѣ мѣстности чрезвычайно живописны и богаты чарующими видами, но между тѣмъ какъ Кавказъ поражаетъ грандіозностью впечатлѣній, въ Крыму все нѣжно, миловидно и уютно. Крымъ—это русская Италія. Несмотря на то, что, пріѣхавъ первый разъ въ Ялту, я уже былъ знакомъ съ Италіей, крымскіе виды произвели на меня чарующее впечатлѣніе. Я тогда не подозревалъ, что этотъ чудный уголокъ Россіи сдѣлается впоследствии постояннымъ мѣстомъ моего осенняго пребыванія.

1884—1886.

Слѣдующіе три года протекали въ обычныхъ занятіяхъ по управленію департаментомъ Государственнаго Казначейства.

Съ Н. Хр. Бунге я всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, а въ это время насъ еще болѣе сблизилъ пріѣздъ въ Петербургъ его племянницы, княгини Витгенштейнъ, бывшей м-ль Эйхеръ, моею давнишней знакомой, со временъ Михайловскаго дворца. Оставивъ дворъ В. Кн. Елены Павловны, она была нѣсколько лѣтъ гофмейстерной при дворѣ В. Кн. Ольги Θεодоровны на Кавказѣ и затѣмъ вышла за князя Витгенштейнъ. Съ княземъ я тоже былъ знакомъ еще изъ Египта, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались во время открытія Суэцкаго канала. Я часто обѣдалъ съ нею у Николая Христіановича, а также у нея съ Николаемъ Христіановичемъ. Эти обѣды были тѣмъ пріятны, что нѣсколько часовъ проводились всегда въ нестѣсненномъ и пріятномъ разговорѣ. У княгини Витгенштейнъ бывали иногда кромѣ того интересныя музыкальныя вечера, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ. Для него обыкновенно устраивалась маленькая партія въ карты.

Управленіе Бунге министерствомъ финансовъ ознаменовалось главнымъ образомъ отмѣною подушной подати, при чемъ только часть ея была переложена на землю, а остальная, кажется до 40 милліоновъ, была совершенно сложена. Такимъ образомъ крестьяне получили существенное облегченіе; но къ сожалѣнію при этомъ была сохранена круговая порука, которая лежала на нихъ главнымъ ярмомъ.

Во внутренней политической жизни въ эту эпоху высказывалось замѣчательное вліяніе двухъ лицъ, стоящихъ совершенно въ сторонѣ

отъ администраціи—Каткова и кн. Мещерскаго. Послѣ польскаго возстанія, когда статьи Каткова вызвали совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи и оказали существенную поддержку правительству, онъ сталъ въ совершенно исключительное положеніе. Дѣло дошло до того, что когда графъ Толстой, тогдашній М. В. Д., объявилъ однажды „Московскимъ Вѣдомостямъ“ предостереженіе за какую-то статью, Катковъ отказался напечатать это предостереженіе, и дѣло тавъ и осталось. Катковъ былъ въ постоянной войнѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гирсомъ, изъ-за его внѣшней политики, которую онъ постоянно критиковалъ.

Между тѣмъ какъ вліяніе Каткова высказывалось болѣе въ сферѣ нашей внутренней и внѣшней политики, вліяніе Мещерскаго проявлялось преимущественно въ личныхъ вопросахъ. Равныя высокія назначенія приписывались въ общественномъ мнѣніи прямо вліянію кн. Мещерскаго. Это вліяніе считалось столь сильнымъ, что даже министры являлись къ нему на поклоненіе. На его воскресныхъ завтракахъ происходилъ постоянно сѣздъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ бы заяскивавшихъ его протекціи или поддержки.

Говоря о личностяхъ, игравшихъ въ то время нѣкоторую роль, остается упомянуть еще о Татищевѣ, который тоже въ то время обращалъ на себя вниманіе. У него собирався по вечерамъ кружокъ ультра-консерваторовъ и сторонниковъ кн. Мещерскаго. На этихъ вечерахъ обсуждались всѣ государственныя дѣла. О Татищевскихъ вечерахъ говорили въ обществѣ, что они играютъ роль какъ бы подготовительнаго совѣщанія по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ. Кончилось тѣмъ, что Татищевъ самъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; но здѣсь онъ игралъ очень пассивную роль, я ни разу не слышалъ его говорящимъ. Года два или три послѣ своего назначенія онъ скончался, ни въ чемъ не оставивъ слѣда своей государственной дѣятельности въ средѣ этого учрежденія. Ни на завтракахъ Мещерскаго, ни на вечерахъ Татищева я не бывалъ.

Кромѣ текущихъ занятій по департаменту, мнѣ приходилось въ это время участвовать въ разныхъ комиссіяхъ. Одна изъ нихъ, о сокращеніи дополнительныхъ окладовъ въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, у меня осталась въ памяти, потому что возлѣ меня сидѣлъ молодой, красивый офицеръ Генеральнаго Штаба—это былъ А. Н. Куропаткинъ—впослѣдствіи главнокомандующій въ первый періодъ японской войны,—съ которымъ я по этому случаю познакомился. Онъ на меня тогда произвелъ очень пріятное впечатлѣніе—человѣка дѣльнаго и просто относившагося къ дѣловымъ вопросамъ.

Другая комиссія была замѣчательна по совершенно необыкновенному предмету, подлежащему ея обсужденію—а именно своеобразной претензіи Новосельскаго.

Какъ извѣстно, Новосельскій игралъ выдающуюся роль въ разныхъ предпріятіяхъ промышленнаго свойства. Необыкновенно способный по части постановки новыхъ дѣлъ,—онъ былъ между прочимъ учредителемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли,—но былъ рѣшительно неспособенъ вести самыя дѣла. Вслѣдствіе своей необыкновенной живости и впечатлительности, онъ бросался постоянно съ одного дѣла на другое, не имѣя ни достаточной выдержки, ни достаточной аккуратности, чтобы вести созданныя имъ дѣла, и вотъ почему онъ постоянно путался въ дѣлахъ, и всѣ дѣла, поставляемыя имъ на ноги, даже самыя лучшія и серьезныя, подъ его управленіемъ начинали чахнуть и приходили въ упадокъ; только по переходѣ управленія въ другія руки, эти дѣла получали серьезное движеніе. Замѣчательно безкорыстный, Новосельскій, орудуя милліонами, всегда нуждался въ средствахъ и не только не нажилъ себѣ состоянія, но находился даже постоянно въ долгахъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человекъ крайне добрый и сямпатичный, сдѣлавшій дѣйствительно много для развитія нашей промышленности, то у него было много доброжелателей и друзей (въ томъ числѣ и К. П. Побѣдоносцевъ)—которые желали ему помочь. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовали и его кредиторы, въ надеждѣ воспользоваться улучшеніемъ его положенія.

Во время послѣдней восточной войны, какое-то принадлежавшее ему судно, нагруженное желѣзомъ, было конфисковано на Дунаѣ турками. По этому поводу и былъ возбужденъ его протекторами вопросъ о томъ, что ему слѣдуетъ выдать изъ государственнаго казначейства вознагражденіе въ возмѣщеніе понесеннаго имъ ущерба. Для разсмотрѣнія этого вопроса была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ графа П. Л. Шувалова, бывшаго начальника III-го отдѣленія.

Какъ ни странно это можетъ казаться, но большинство членовъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ склонялось въ пользу удовлетворенія ходатайства Новосельскаго. Какъ представитель министерства финансовъ, я, однако, съ такимъ рѣшеніемъ никакъ не могъ согласиться. Несомнѣнно, въ С.-Стефанскомъ договорѣ было установлено обязательство турецкаго правительства—вознаградить русскихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ войны. Но при этомъ имѣлось въ виду вознагражденіе отъ турецкаго правительства. Требованіе же, чтобы русское правительство изъ своихъ средствъ выдало вознагражденіе пострадавшему, да еще по претензіи, заявленной много лѣтъ послѣ

заключенія мира и при томъ претензія довольно сомнительнаго свойства, очевидно, нельзя было признать правильнымъ. Выдача такого вознагражденія создала бы прецедентъ, на основаніи котораго могла бы быть возбуждена масса подобныхъ требованій, обращенныхъ къ государственному казначейству. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я высказалъ, что нельзя не признать заслугъ Новосельскаго, оказанныхъ развитію нашей промышленности, что если вслѣдствіе того Государю угодно будетъ вообще назначить ему какое-либо пособіе, то такое назначеніе не повлечетъ за собою никакихъ неудобствъ—выдавать же ему вознагражденіе на основаніи вышеприведенной его претензіи совершенно невозможно. Окончательно по моему настоянію ходатайство было отклонено.

Наконецъ укажу еще на третью комиссію, которая состоялась подъ моимъ предсѣдательствомъ по довольно сложному вопросу. Дѣло касалось претензій правительства и подданныхъ Румыніи къ нашему правительству в о долгахъ послѣднему Восточной Румыніи и княжествъ Балканскаго Полуострова. Дѣломъ этимъ занимались нѣсколько лѣтъ на мѣстахъ, но оно все не приходило къ окончанію, потому что, несмотря на то, что общія цифры были уже довольно точно выяснены контролемъ, требовалось представленіе квитанцій по каждой отдѣльной поставкѣ—чего очевидно нельзя было исполнить. Членомъ въ эту комиссію былъ назначенъ и отъ контроля Н. С. Петровъ, впоследствии бывший начальникомъ контроля въ министерствѣ двора и состоящій нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта. Изучивъ въ подробности дѣло, я пришелъ къ заключенію, что требовать подробной отчетности и представленія росписокъ по всѣмъ выборамъ нашихъ войскъ во время войны практически въ настоящее время неисполнимо, такъ что на этой почвѣ было бы совершенно невозможно придти къ какому-либо соглашенію; поэтому оставалось одно—ограничиться тѣми общими цифрами, которыя уже были достаточно выяснены, и на этомъ основаніи произвести всѣ расчеты. Представитель контроля, отказавшись отъ формальной точки зрѣнія государственнаго контроля, волилъ со мною согласиться—произведенный на этомъ основаніи расчетъ былъ утвержденъ правительствомъ, и мы такимъ образомъ въ нѣсколько засѣданій окончили дѣло, длившееся около десяти лѣтъ.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время я продолжалъ заниматься религіозными вопросами. Въ 1885 году я напечаталъ за границей нѣмецкую брошюру подъ заглавіемъ „Sechs Briefe über die kirchlich-religiösen Zustände im Abendlande und die Kirche vom Standpunkte eines morgenländischen Christen“. Въ томъ

же году вышла моя книга „О церкви“, а въ 1886 году и напечатать „Опытъ краткаго изъясненія на евангеліе отъ Іоанна“.

Въ то время, по поводу старокатолическихъ собраній, много занимался вопросомъ о соединеніи церквей. Между тѣмъ всѣ сферы старокатолической Германіи знали нашу церковь почти только съ формальной ея стороны. Вотъ почему у меня явилась мысль изложить основанія православнаго ученія въ сравненіи съ протестантской и католической доктриной—для нѣмецкихъ читателей.

Католицизмъ является представителемъ начала безусловнаго авторитета. Онъ во всемъ и совершенно подавляетъ свободу мнѣній и убѣжденій каждой отдѣльной личности; онъ требуетъ безусловнаго послушанія и подчиненія своей мысли подъ авторитетъ церкви не только по отношенію къ догматамъ, но и по всѣмъ духовнымъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ представляетъ прямую противоположность, предоставляя почти полную свободу каждой отдѣльной личности въ пониманіи евангелія. При отсутствіи видимой церкви и непризнаніи преданія, въ протестантизмѣ трудно сохраняются неизблещность догмата, такъ какъ тексты евангелія со стороны разныхъ лицъ получаютъ самыя разнообразныя толкованія. Православная церковь занимаетъ среднюю между ними, соединяя въ разумныхъ предѣлахъ авторитетъ католической церкви и свободу протестантизма.

Вотъ эту мысль мнѣ хотѣлось выяснить для нѣмецкихъ читателей, при чемъ я нашелъ очень хорошій матеріалъ въ книгѣ извѣстнаго германскаго богослова Тирша „Protestantismus und Kato-licismus“, издавннй въ 1846 году. Тиршъ доказывалъ въ своей книгѣ неустойчивость протестантскаго вѣроученія, вслѣдствіе безусловной свободы толкованія, предоставленной каждому отдѣльному протестанту. Въ поискахъ за устойчивостью церкви, проф. Тиршъ, не соглашаясь съ католицизмомъ и оставаясь протестантомъ, присоединился впоследствии къ првнгианизму, думая найти въ немъ нѣкоторое подобіе видимой церкви.

Печатанію моей брошюры за границей, въ Бременѣ, оказалъ содѣйствіе пасторъ Дальтонъ, человекъ чрезвычайно живой и интересующійся церковными вопросами. Онъ даже написалъ вступленіе къ моимъ писмамъ, въ которомъ онъ рекомендовалъ ихъ нѣмецкимъ богословамъ, совершенно незнакомымъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ православной церкви.

По его совѣту и указанію я разослалъ мою брошюру многимъ богословамъ въ Германію и получалъ отъ нихъ болѣе или менѣе краткіе отвѣты, заключавшіе въ себѣ болѣею частью общія учтивыя фразы. Существеннаго обсужденія мой трудъ въ Германіи не

вызвалъ, потому что въ то время ни въ сферы старокатолической тамъ вообще мало интересовались вопросами о церкви. У насъ же моя брошюра была почти полностью переведена въ журналъ „Вѣра и Разумъ“.

Моя русская книга о церкви была вызвана рядомъ разговоровъ, происходившихъ у меня съ посѣтителеми Пашковскаго кружка, съ которыми я очень сблизился, какъ уже выше приведено. Видя въ нашей церкви одно проявленіе формализма, они никакъ не могли усвоить себѣ ея значенія. Мнѣ приходилось неоднократно и обстоятельно бесѣдовать съ ними на эту тему; это дало мнѣ мысль развить мои сужденія въ особой книгѣ. Мое сочиненіе появилось первоначально въ „Православномъ Обзорѣнїи“ и вышло впоследствии отдельной книгой. Оно обратило на себя вниманіе нашихъ духовныхъ журналовъ, которые отнеслись весьма одобрительно къ моему труду. Даже восемнадцать лѣтъ спустя этотъ мой трудъ далъ журналу „Вѣра и Разумъ“ поводъ сопоставить мое имя съ именами Хомякова и Соловьева, въ статьѣ „Православная Церковь, по ученію нашихъ свѣтскихъ писателей“.

Въ моей книгѣ я развивалъ между прочимъ нѣсколько своеобразное положеніе о значеніи „догмата“, положеніе, котораго я въ другихъ богословскихъ трактатахъ не встрѣчалъ; несмотря на общее сочувствіе, которое было высказано въ нашей духовной литературѣ къ моему труду, ни одинъ изъ отаывовъ не коснулся этой стороны вопроса; противъ моего мнѣнія не возражали, но и не высказывали съ нимъ согласія, какъ будто вообще боялись коснуться этого деликатнаго вопроса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

